

Annotation

Фееричный телеведущий Ангел Головастиков убит горем. Преступники покусились на святое! Похитили его любимую Камиллу... Соседкам телеведущего, Лизе и Авроре, придётся как следует поработать, чтобы их лучший друг перестал рыдать на весь дом!

Анна Пейчева

КНЫШ И ПИВО

23 декабря

Желая вознаградить себя за блестящее расследование в аэропорту, на следующий день после спасения Джима Лиза совершила набег на ближайший пассаж Ламановой.

Как выяснилось, в «Ламе» действовала особая система подбора одежды. При входе в пассаж стояло множество одноместных кабинок из темного стекла — они же примерочные. Покупатель заходил в одну из них, раздевался до белья, неоновые лазеры пробегались по всему телу, снимали все возможные мерки. После этого на сенсорный экран кабинки выводились иллюстрированные рекомендации: какие модели из всего бескрайнего ассортимента Ламановой подойдут именно этому клиенту, как их сочетать между собой, что поможет подчеркнуть цвет глаз и какой лечебный эффект окажут носки из новой коллекции «Марс — это новая Земля». Разумеется, никаких продавщиц в зале не наблюдалось, только самоходные вешалки на четырех колесиках подвозили к примерочным всё новые наряды.

Лиза осмотрелась. Громадный безлюдный зал больше походил на центральный склад, заполненный бесконечными стойками с одеждой. Найти себе здесь новые штаны было не более реально, чем одну золотую ворсинку — в клубках Пусиной шерсти, которые в таком количестве скопились у нее в квартире, словно мандариновые апартаменты сняли специально для них, клубов шерсти. Пылесосить Лизе было, конечно, лень.

Лиза бездумно тыкала в темный экран своей кабинки, но так и не сообразила, как активировать пресловутые лазеры. Она выглянула из примерочной. Вокруг никого, обратиться за советом не к кому — остальные покупатели попрятались по своим кабинкам, как космонавты по ракетам. Она попробовала призвать ближайшую самоходную вешалку. Однако та следовала заданному курсу и на Лизины пшикания и робкие махания руками не реагировала. Лиза вернулась к экрану и стукнула по нему кулаком. Экран молчал.

— Дурацкая кабинка сломалась, — решила Лиза и, прижав к груди комок со своим барахлишком, проскользнула в соседнюю примерочную.

Тут экран ярко светился и всюду крутил модели спортивной одежды для мужчин. Очевидно, предыдущий клиент ушел, так и не совершив покупку. К кабинке подкатила очередная самоходная вешалка.

— Возьму, папаверин вас всех побери, пусть даже это будут плавки-стринги! — обозлилась Лиза. Она твердо решила не уходить из пассажа без обновок.

К счастью, это оказались не плавки, а добротные тренировочные брюки серого цвета («с карбоновыми нитями для особой прочности», гордо сообщил сенсорный экран) и отличный мужской свитер «оттенка зимней Невы» — проще говоря, тоже темно-серый. К комплекту прилагалась дугая черная жилетка. Вещи оказались размера на три больше, чем нужно, но Лизе они неожиданно понравились: теплые, удобные, неброские — чего еще желать?

Лиза поглядела на себя в зеркало: в просторной спортивной одежде и изысканной бордовой шляпе она смотрелась очень даже парацетомольно.

Старые легинсы, потрепанную водолазку и дачную куртку из родной реальности она выбросила в контейнер «На переработку», установленный на выходе из пассажа.

31 декабря — 1 января

Если вы никогда не пробовали еловое пиво, считайте, вам крупно повезло, мрачно думала Лиза, сидя за столиком экзотического трактира на окраине имперского Петербурга спустя неделю после обновления гардероба.

В ее родной реальности эта местность называлось деревней Самаркой, сюда свозили мусор со всего мегаполиса. Мусор тихо копился в кучах, разлагался и постепенно заражал и без того непримечательные окрестности.

В альтернативной реальности никакой деревни Самарки тут и в помине не было — столица давно разрослась во все стороны. В этой части города вольготно раскинулся квартал безудержных ночных развлечений — Баронский квартал, "петербургская Ибица". Здесь империя зажигала, активно заражая окрестности грохочущими хитами Беты и накапливая кучи звенящих монет в недрах «одноруких бандитов». Баронский квартал Петербурга состоял сплошь из немислимых ресторанов, ночных клубов, уличных танцполов, казино, баров сомнительного обличия и слоняющихся по широким проспектам бездельников. Возможно, баронов. Сложно было вот так сказать наверняка.

Трактир, куда притащила коллег Аврора, назывался «Нализаться до глобализации». Язык сломаешь. А это специально, пояснила Аврора. По скороговорке можно проверить степень своего опьянения. Добрался до «глобализации» — смело заказывай еще бокальчик. Бубнишь «нал... нализ... глолиз... зизация» — пора домой.

Напитки в трактире соответствовали названию.

Граф пил «Осколки солнца»: дико дорогое шампанское, которое подавалось в узком прозрачном чайнике — с носиком и ситечком. В чайнике бродили пузырьки и кружились хлопья самого настоящего золота. Ситечко нужно было для того, чтобы золотые «чайнки» не попадали в бокал.

Аврора заказала себе ликер черного цвета, крепостью 65 градусов. Лиза принялась — и тут же отодвинулась на другой конец стола: от черной дряни несло то ли жженой резиной, то ли скипидаром, смешанным с гудроном, в общем, чем-то непередаваемо гадким. Называлась сия субстанция «Game over».

Филипп Петрович по-прежнему отсутствовал — завершал серию семинаров в Америке.

Макс, увязавшийся за Ищейками, налегал на безалкогольную рябиновую водку-«сумасбродку», в высшей степени странное изделие фирмы «Купец Сумасбродов и супруга». Напиток пах водкой и на вкус был как водка, настоянная на рябине, однако не содержал ни грамма спирта. Впрочем, Макс всё равно слегка захмелел: «Многовековая генетическая память, понимаешь, Лизавета? Сработал культурный код», — важно объяснил он ошарашенной Лизе.

Сама же Лиза, после долгих мучительных раздумий (меню здесь было совершенно дурацким), выбрала еловое пиво. Нормальных напитков трактир не предлагал. Слово «пиво» хотя бы показалось знакомым. Однако филологическим сходством всё и ограничилось. Пиво было густым, тягучим, почти что без пены, а на вкус — как зубная паста для чувствительных десен, в которую щедрой рукой добавили болотную сырость. Если бы кто-то на Лизиной родине додумался изготавливать коктейли на основе воды, взятой из отравленной отходами

речки Самарки, протекавшей в одноименной помоечной деревеньке, — получилось бы примерно то же самое.

Однако со своей задачей — мягкого, но уверенного опьянения — еловое пиво вполне справлялось, поэтому Лиза продолжала его пить, морщась и кривя нос. Батюшка миотропный бендазол, Новый год всё-таки!

«Иронии судьбы» здесь не было, Деда Мороза тоже, привычного оливье с колбасой тем более, пришлось отмечать праздник по местным традициям.

Которые включали в себя заказ новогодних блюд по коду ДНК.

— Что за... Что еще за пупырки папавериновые? — ошалела Лиза в начале вечера, когда при входе в трактир компьютерный голос попросил ее положить свой волос на стерильный подносик, выдвинувшийся из некоего подобия банкомата.

— Влетит в копейку, но стоит того, — сообщила Аврора. — Индивидуальные блюда для каждого клиента. Оч прикольно. Ты будешь в шоке, Лиззи. Готовит единственный повар, которому я доверю — три-дэ принтер собственной персоной. А то иди доверься этим ламерам из обычных ресторанов — еще своих волос натрясут тебе в суп! Наши данные уже в памяти трактира. А ты тут в первый раз. Грузи свой волос на поднос. Через сорок пять минут заказ будет готов.

— Долго-то как... И дорого! Хоть бы скидку какую дали представителю Личной Канцелярии, изверги, — бурчала Лиза, оплачивая с Перстня 7 рублей 65 копеек за сомнительный ужин из одного блюда без названия на основе кода ее личной ДНК. — В моём мире даже простому гаишнику скинули бы с обычной цены процентов девяносто, да еще и в ножки поклонились.

— В этом-то и фишка, бейби! Некому тут кланяться в твои щуплые ножки! — радостно объяснила Аврора, пробираясь по ультрахромированному залу к свободному столику в углу. Всё здесь было холодным и безликим, за исключением двух больших портретов на стене с подписью: *"Фёдор Крик и Джеймс Уотсон, первооткрыватели структуры ДНК"*. — Говорю же — принтер еду печатает! А вместо официантов — беспилотные тележки! Обожаю этот трактир.

— А как же «Омела»? — ревниво спросила Лиза, успевшая как-то незаметно привязаться к зеленому ресторанчику на Екатерининском канале. Тьфу ты, то есть на канале Грибоедова, конечно.

— Стандартная еда для стандартных людей, — пренебрежительно отозвалась Аврора, по-хозяйски рассаживая коллег вокруг прозрачного стеклянного стола. — Наш шеф это «Помело» уважает. Ну и мы туда таскаемся. По мне, так «Глобализация» в вигинтиллион раз лучше.

— Брось, Аврор, — влез Макс. — Знаем мы тебя, как облупленную. Не нравилась бы тебе «Омела» — не заманил бы тебя туда никакой Филипп Петрович. Да даже и сам Ренненкампф.

— Атмосфера «Омелы» помогает настроиться на нужный лад, — задумчиво сказал граф, расстегивая свой плащ, под которым сегодня, в честь праздничка, была одна только белая блуза, без каких-либо пугающих гаджетов.

— Зато в «Галлюцинации»... блин еловый, в «Глобализации» — вы попробуете такие напитки, которые босоногому основателю вашего «Помела» и в страшном сне не приснились бы, — упорствовала Аврора. — Даже после ужина из волшебных грибочков.

— Так рекламирует, — сказал Макс Лизе, — будто работает креативным директором

этого трактира.

— Знаете что, унтер-лузер Абрикосов, а вас вообще никто с нами не звал, — рассердилась Аврора. — Почему ты не на службе?

— Выходной, сударыня, — с готовностью отреагировал Макс. — Даже у лучших из нас бывают свободные дни.

— А кстати, когда нам всем в следующий раз на службу? — вклинилась Лиза.

— Второго января, сударыня, — отвечивал граф.

— Как второго? — всполошилась Лиза. — Почему второго? Я-то думала, что числа десятого...

— Как же можно на целых десять дней остановить жизнь всей страны? — удивился граф. — Зачем?

— Лично меня интересует другое, — перебила его Аврора. — Зачем Макс болтался в Офицерском Собрании в свой выходной?

— В Трёшку вызывали, — сообщил Макс. — Ваш задушевный друг Платон Шварц заинтересовался моей скромной персоной. Оборудования у них там, доложу я вам! Как в рубке марсианского корабля, не то что в вашей девичьей светелке с резиновыми курицами. Сплошное стекло и сталь, сталь и стекло, прямо как здесь... И детектор лжи, встроенный в кресло для посетителей. Не самые приятные минуты в моей жизни! А ведь я однажды гнался за преступником по трубам вакуумки.

Едва слышно шурша прорезиненными колесами, к столу подкатилась автоматическая тележка с напитками.

— А зачем в Трёшку вызывали? Натворил небось чего, — с удовлетворением предположила Аврора, разгружая тележку.

— Отнюдь, прекрасная повелительница микросхем, — замотал головой Макс, наполняя свою рюмку безалкогольной «сумасбродкой».

Граф ухаживал за дамами: Авроре налил ее омерзительный ликёр, а для Лизы заботливо вскрыл вакуумную упаковку с крошечными хвойными шишечками, которыми полагалось закусывать еловое пиво.

— Если кто и натворил чего, так это не я, а вот эта великолепная богиня, упавшая с небес на крышу Храма Святого Котца. Платон расспрашивал меня про Лизавету. Ну, будем? Провожаем старый год!

Макс махнул рюмку в полном одиночестве: Ищейки застыли каждый на своём металлическом стуле. За столом воцарилось тягостное молчание. Только из аудиоколонок, спрятанных под стальными панелями потолка, доносились какие-то космические звуки: то ли свадебный марш планеты Зеты Ретикули, то ли фнукивание и флёмпанье разумных матрассов с другого конца Галактики.

Ищейки переглянулись.

Первым нарушил тишину граф:

— Максим, никогда не могу понять, когда вы говорите серьезно, а когда шутите. Это правда? Платона интересовала Елизавета Андреевна?

— Ага, — кивнул Макс. Он был страшно занят сенсорным меню, вмонтированным в стеклянную столешницу. — Возьму-ка я себе, пожалуй, соленых огурчиков к водочке. Так, простых русских огурцов у них, конечно, в меню не найдешь. Видно, ваша «Глобализация» слишком глобализированная для такой банальной закуски. Вот подлецы. Умеешь ты, Аврора, выбрать место для милых компанейских посиделок... Ладно, а что есть на замену? Соленый кактус? Отравя, наверное, но рискну. Проклятье, он не совместим с моим кодом ДНК. Система не дает сделать заказ. А с вашим ДНК, граф, кактус совмещается?

— Да, среди моих предков были бразильские немцы, эмигрировавшие в Южную Америку из Германии в одна тысяча восемьсот шестьдесят девятом. Тушили там кактусы с баварскими сосисками, варили кактусовый джем, так что суккуленты у меня в крови, — рассеянно сказал граф. — Но подождите с закусками, Максим. Что именно спрашивал Платон?

— Ой, граф, ну что вы как маленький. Всё как обычно: не заметил ли я чего-нибудь подозрительного в манере общения Лизаветы, что я знаю о ее ближайших друзьях и знакомых, как ей так быстро удалось приручить Великого Усуса, к которому Платон раньше относился с большим пиететом, а после недавних событий полностью разочаровался...

— Приручить Усуса? — пискнула Лиза. — И про Пусятину спрашивал? И что ты сказал?

— Да ничего. Мало ли что мне лично кажется подозрительным. Это никого не касается. Особенно такого неповоротливого служаку, как Платошка-тупая картошка. Одним словом, я прикинулся носком, набитым песком.

Граф немного расслабился, нацедил себе из чайника шампанского. Лиза отхлебнула пива — и едва не выплюнула его обратно. Чувство было такое, что она выпила протухшую, заплесневелую опару, замешанную на муке из осоки топяной, хвоща болотистого и еловых опилок. «Это ж что ж за дрянь-то несусветная!» — крикнула она в сторону очередной тележки, просвистевшей мимо их столика к другим посетителям. Тележка, естественно, промолчала. Лиза с горя забросила в рот несколько хвойных шишечек. Во рту стало немного веселее.

— Но детектор? — спросила Аврора.

— Детектор лжи обмануть нетрудно, — ухмыльнулся Макс. — Главное — контролировать свое тело и эмоции. На сто процентов. А это любой мало-мальский актер умеет. Не говоря уже про таких великих, но пока, к сожалению, недооцененных артистов, как ваш покорный слуга. Которому никто до сих пор не сподобился заказать соленого кактуса. Это я на вас, граф, намекаю.

— Максим, мне не жалко, поверьте! — воскликнул граф. — Однако как-то неловко перед владельцами ресторана, старавшимися создать идеальное меню для каждого.

— Ясен пень, — поддержала коллегу Аврора, любуясь ведьминским зельем в своей рюмке. — Система тебе ясно дала понять, что кактус не сочетается с твоей ДНК. Скажи, ты

что, не доверяешь компьютерному разуму? Ты что, не веришь, что кактус навредит твоему глупому организму? По крайней мере — не пойдет тебе на пользу?

— Все полезно, что в рот пролезло, — нравоучительно сказал Макс. — Ваш компьютерный разум не всесилен. Откуда ему знать: может, у моего глупого организма стресс после общения с агентом Трёшки. Мой глупый организм, может быть, хочет объесться кактусов до потери пульса. Вы из простого чувства человеколюбия должны мне их заказать, граф. Не мучьте страдальца, вырвавшегося из клещей Третьего отделения!

— Аврор, водка у Макса точно безалкогольная? — Лиза потянулась к графинчику с «сумасбродкой». — Я тоже хочу так улететь, как он.

— Да что сегодня за бунт такой на подводной лодке? — возмутилась Аврора, выхватывая у Лизы графинчик и со звоном водружая его обратно на стеклянную столешницу. — Восстание ламеров. Сплошные нарушения рекомендаций компьютера. Один требует запрещенных кактусов. Другая нацелилась на чужой напиток. Тебе, Лиззи, система прописала еловое пиво — значит, пей еловое пиво.

Лиза насупилась.

— Ну и ладусики, — мрачно сказала она. — Тогда выпью его столько, чтобы свалиться под этот стеклянный стол. Постараюсь при этом захватить с собой одну из этих дурацких тележек. А что они в самом деле? — Она бросила горсть хвойных шишечек в очередную доставучую тележку, подкравшуюся к их столику с тихим шелестом. — Катаются туда-сюда. Как призраки официантов. Порядочным людям думать мешают.

— Смотрю, пиво-то тебе прямо с первого глотка в голову шарахнуло. — Аврора неодобрительно нахмурилась. — Надо бы тебя протестировать на произнесение «Нализаться до глобализа...» — то есть «глобалила»... Тьфу, окей, потом протестируем. А сейчас — атакованная тобой тележка нам всем еду привезла. Разбирайте, лузеры.

Бедной Лизе система назначила именно то, чего она и боялась — рыбу. А точнее — щуку. А еще точнее — склизкий, дрожащий, мутный студень из щуки. Хотя откуда бы взяться древней героине русских сказок в этом интернациональном ресторане? Рыбья чешуя была изрыта неаппетитными ямками, оставшимися в результате обстрела хвойными пулями-шишечками.

Ошибочно думать, что если человек вегетарианец, он обожает рыбу и всё, что с ней связано. Лиза вот обожала углеводы и молочные продукты во всех видах. А рыбу терпеть не могла. Однако строгую систему «Глобализации» её жалкие субъективные вкусовые пристрастия не волновали. Ладно хоть какую-нибудь телятину не подсунули. Тогда бы Лиза просто встала и ушла (если бы смогла управлять своими ногами, потерявшими связь с мозгом после очередного глотка елового пива). Но, очевидно, несовместимость с мясом была прописана в Лизинем коде ДНК.

Граф меланхолично глядел на содержимое своей тарелки: картофельные котлеты, бултыхающиеся, как киты, в белой жидкости, сильно пахнущей кокосом. Сверху всё это было усыпано мелкой коричневой стружкой.

— Это что за суп у вас такой? — спросила Лиза, морща нос.

— Крокеты картофельные с подливкой из кокосового молока и тертым жареным каштаном, сударыня. Причудливое танго бразильской и немецкой кухни под парижскую шансонетку... Знаете такие строчки? «Но лишь мотив танго, в котором есть упорность, и связность грустных нот захватит вместе нас... А я — я сам угрюм, спокоен, недоволен. И денег, Индии и пули в лоб хочу».

— Дрянь какая-то, — вынесла вердикт Лиза. — И стихи, и это ваше ККК — картофельно-кокосово-каштановое безобразие. И передайте вашему дурацкому грамотею-поэту, что ударение в слове «танго» ставится на первый слог.

— Но, сударыня, это ударение обусловлено стихотворным ритмом, а также французскими речевыми пристрастиями автора...

— Минутку! А где мои соленые кактусы? — обиженно спросил Макс, которому досталась порция сингапурских дамплингов, больше всего похожих на продолговатые пельмени из прозрачного теста с мясной начинкой. — Сижу тут как зайчишка, весь такой наивный, жду угощения... В высшей степени непорядочно с вашей стороны, господин фон Миних, обмануть своего коллегу-зайчишку в лучших ожиданиях!

— Сударь, — фон Миних совсем растерялся, — но мы же с вами договорились...

— Дайте графу поесть, лузеры, — вмешалась Аврора. — Он единственный из вас настроен позитивно. Отстаньте от человека. А не то система вас заблокирует за порчу аппетита клиентам.

Сама программистка при помощи большой ложки вела активные раскопки в печеной тыкве, заполненной взбитыми сливками с корицей.

Лиза с Максом стали неохотно ковыряться в своих тарелках.

— «Ты ласточек рисуешь на меню, взбивая сливки к тертому каштану. За это я тебе не изменю и никогда любить не перестану», — тихо сказал граф, адресуясь больше к своей картофельной котлете, чем к Авроре. Однако та (Аврора, не котлета) польщенно хмыкнула. — Коллеги, предлагаю поднять тост за вдохновительницу нашей чудесной новогодней встречи...

— Ага, чудесной, — недовольно пробурчала Лиза, пытаясь заставить себя проглотить хотя бы кусочек студенистой рыбьей массы. — Противнее забегаловки во всех параллельных мирах не сыскать. Даже наша школьная столовка — мишленовский ресторан по сравнению с этой вашей дурацкой нализ... наглоба... до глоба... — «Нализаловки», в общем. Я могу сказать только одно: ну и гадость эта ваша заливная рыба!

— Ха, рыба ей не нравится. Лиззи, бейби! — Аврора скрестила пухлые ручки на объемной груди. — В этой рыбке на несколько мегабайт меньше калорий, чем в твоих нездоровых пирожках. Которые ты поедаеть тоннами. Тебе худеть надо, АСАП!

— Как ты меня назвала? — пьяно вскинулась Лиза. — А ну-ка повтори! Что еще за арап?

— Блин еловый, не арап, а АСАП — as soon as possible. С английским у нас тоже биг трабл, как я погляжу. Короче, поменьше пирожков — побольше рыбы.

— Аххх! — Лиза едва не захлебнулась мерзким пивом из-за осенившей ее ужасной догадки. — А что это у тебя вид такой самодовольный? Как у Пуськи, когда он тайком слопаёт сметану, предна... предназначш... в общем, которую я сама хотела съесть. Уж не приложила ли ты свои хакерские ручки к моему меню?

— Оу, Лиззи, какая клевета, — ненатурально возмутилась Аврора, ухмыляясь, как Красная Шапочка, выгодно продавшая волка бродячему цирку. — Я бы никогда не посмела... Клянусь Господом Ботом...

Макс, прищурившись, посмотрел на Аврору сквозь рюмку, полную рябиновой «сумасбродки»:

— Мда, владычица глобальных морей и окиянов... Я бы действительно не рекомендовал тебе: а) садиться на стул, оснащенный детектором лжи; б) надеяться даже на

третьестепенную роль в третьеразрядном фильме. Врать ты не умеешь.

— Умею, еще как, я в этом мастер восьмидесятого левела. Просто перед вами, лузерами, стараться неохота, — чванливо ответила Аврора. — Окей, я через свой заточенный Перстенок дистанционно вмешалась в настройки системы. Комп-то местный не в курсе, что тебе, Лиззи, нужно сбросить пару килошек! Назначила тебе наивная железяка аж даже пиццу «Четыре сыра» наплетано. Ессесью, я была обязана это исправить. Изменила на барракуду. И Господь наш виртуальный Бот одобрил бы меня на тысячу мегабайтов.

Лиза вообразила себе идеально круглую, с хрустящей корочкой и обжигающей неаполитанской начинкой пиццу-солнце — и громко застонала. Дрожать у нее в тарелке должен расплавленный сыр, а не мерзкий рыбий студень!

— Бессердечная ты, Аврора! Лишить меня вкусняшки, которая перебила бы гадкий вкус елового пива... У меня во рту такое творится, будто тухлая лягушачья икра затеяла вечеринку с древесными грибами. Думаю, ладусики — рыба дрянь, но хотя бы щука. Желание загадаю. А теперь выясняется, что это даже и не щука! Барракуда какая-то, ферритин её побери! И что мне теперь делать со всеми своими желаниями, коих у меня накопилось вагон и маленькая тележка? И под словом «вагон» я подразумеваю вовсе не маленький вагончик вашей вакуумки, а нормальный такой товарняк!

— Единственное твоё желание сейчас должно быть — похудеть, — нравоучительно сказала Аврора. — Нет у тебя силы воли, как я погляжу. Совсем. Отсутствует. Хочешь эпик фейл вместо нашего запланированного ивента?

— А что за ивент у вас запланирован, дамы? — влез в беседу Макс. — Для чего этой восхитительной богине еще худеть? И, что гораздо важнее: граф, где мой кактус? Ну граф, ну закажите, что вам, жалко, что ли?

— Максим, мне неловко указывать на моральный аспект вашей просьбы, но я не хотел бы быть обвиненным в мошенничестве, — чопорно сказал граф.

Несмотря на то, что фон Миних пил настоящее шампанское, а Макс — безалкогольную водку, граф по-прежнему оставался собранным и сосредоточенным, как сжатая пружина, в то время как унтер-офицер небрежно развалился на своем металлическом стуле, словно старосветский барин в окружении цыганского хора. И это при том, что конструкция стула совершенно не предполагала никакого разваливания посетителей, и уж тем более такого разнузданного разваливания.

— Так что вы там задумали, прекрасные Ищейки? — не отставал Макс, вальяжно закидывая ногу на ногу.

Нужно было что-то ответить, и Лиза сказала:

— Э-э... Ну... Я должна буду влезть в одно платье. Как там Коко Шанель говорила? У каждой женщины должно быть маленькое телепортационное платье.

Она глупо хихикнула и отхлебнула еще елового пива, которое внезапно перестало ей казаться таким уж мерзопакостным.

— Ха, я вот сию секунду осознал, что ты, Лизавета, вылитая Коко, особенно в этой шляпенции. — Макс игриво ей подмигнул.

Лиза кокетливо стряхнула несуществующую пылинку с рукава своего новенького свитера.

Аврора фыркнула в ответ на замечание Макса.

— Лиззи наша — Коко? Скорее уж кар-кар. Или чирик-чирик. Что за унылый вид, да еще и в Новый год? Типичный воробей-лузер, который всю жизнь сидит под кустом. Потому

что дико боится, чтобы его не сбил квадрокоптер. Не припомню, чтобы Шанель ходила в трениках.

Сама Аврора меньше всего походила на воробья. Или на любую другую скромную птицу. Или вообще на существо с планеты Земля. В честь Нового года она вырядилась в кричаще-розовый балахон с крошечными золотыми колокольчиками, звеневшими при каждом ее движении. Однако этого ей показалось мало, и потому поверх балахона Аврора набросила еще и короткую оранжевую кофту с огненным рисунком на спине. Поверх пламени красовалась глупая, но грозная физиономия золотой рыбищи в роскошной короне. Неведомый художник очень старался придать невинной рыбке черты разъяренного тигра. А чтобы ни у кого не осталось сомнений в серьезности ее намерений, он украсил кофту надписью: «Владычица Морская. Поджарим конкурентов». Пышную грудь пересекал ремень канареечной компьютерной сумки — Аврора никогда не выходила из дома без своего верного ноутбука.

— А знаете, сударыня, позволю себе с вами не согласиться, — вдруг сказал граф, выходя из задумчивости. Картофельно-кокосовые крокеты он почти не ел, только потягивал шампанское. — Мой прадед был близким другом семьи Коко Шанель и ее мужа Константина Михайловича Веригина. Он часто бывал у них в гостях, в их уютном особняке на Васильевском острове... Вы ведь знаете, что Константин Михайлович посвятил Коко свой знаменитый аромат «Номер Пять»? Она всегда была его музой. Не только женой, не только известным модельером, но еще и вдохновительницей великого русского парфюмера... Да, так вот, по рассказам прадеда, Коко часто принимала гостей в домашних брюках мужа. Так что Максим прав: Елизавета Андреевна и правда сейчас напоминает мадмуазель Шанель.

Аврора надулась, а Макс спросил:

— А разве Коко говорила не про маленькое *черное* платье? Что-то не припомню ее высказываний про *телепортационные* платья.

Кажется, он был не так расслаблен, как хотел казаться. Лиза почувствовала смутное беспокойство сквозь пелену пивного тумана.

— Ну да... Я имела в виду черное платье. Черное платье, черная дыра, Стивен Хокинг, телепортация... Ассоциации, понимаешь, Максимка? У нас, швейцарцев, голова так устроена. Знаешь, как у нас в Швейцарии говорят? Же не манж па... тьфу, не то... гебен зи мир... Нет, погодите.

За последние дни граф её немного поднатаскал по истории, культуре и национальному языку Швейцарии, однако сейчас Лиза соображала ничуть не лучше альпийской коровы. Учебные посиделки в «Омеле» выветрились без остатка. Она не могла вспомнить не единой швейцарской поговорки.

Макс внезапно подобрался и вместе со стулом придвинулся поближе. Стальные ножки стула закрипели по хромированному полу. Внимательные черные глаза смотрели Лизе прямо в душу, бултыхающуюся в еловом дурмане.

— Лизавета. Ты же не носишь платья. Вообще. — Он обвел взглядом всю компанию. — Господа Ищейки, может, хватит держать меня за дурачка? Что происходит? Случайные намеки на телепортацию. Лизин выговор, не похожий ни на один акцент на свете. Ее полное незнание реалий её мифической родины и этого мира в целом. Проклятье, любой человек на Земле старше трех лет хоть раз в жизни слышал про мороженое от Абрикосова! Любой, но только не она. Уверен, всё это связано с профессиональным интересом Платона к нашей

богине. Я люблю греческую мифологию и два раза в год бываю в храме Афины в нашем Заповеднике. Но я не могу заставить себя поверить, что Лизавета и вправду спустилась к нам с Олимпа. Я увязался за вами не из большой любви к вашей «Галлюцинации», поверьте. Просто хотел узнать всё из первоисточника. Я должен понимать, что именно скрываю от Шварца. Не хочу быть соучастником покушения на Императрицу или захвата марсианами Шепсинской синамастудии. Ну? Что скажете, многоуважаемые заговорщики?

Аврора посмотрела на графа. Граф посмотрел на Аврору. Лиза ни на кого не посмотрела, потому что с трудом фокусировала взгляд. Барракуда так и осталась нетронутой. Чего никак нельзя было сказать о бутылке болотного пива.

— Выбора-то у нас нет никакого, блин еловый, — сказала Аврора.

— Максим известен своей преданностью интересам Седьмого отделения, — согласился граф. — Он наш давний друг. Полагаю, нам нужен союзник в рядах жандармерии. Мало ли что. Миссия предстоит сложная.

Лиза тихо икнула.

Аврора залпом выпила рюмку черного ликера и обратилась к Максиму:

— Ну вот что. Лиззи в бессознанке, поэтому ответим за нее. Она из параллельного мира. Телепортировалась сюда случайно, сама не знает как. Правда не знает, она жуткий ламер во всем, что касается физики в целом и техники в частности. Сам уже наверняка понял. Гналась за котом своим, попала под дождь, оказалась в нашем мире. Всё нечаянно. Как обычно у лузеров бывает.

— Пуся! — возопила Лиза на весь зал, услышав слово «кот». — Я соскучилась по Пусятине. Отведите меня домой. Хочу ехать на такси!

На нее никто не обратил внимания. Макс напряженно слушал. Граф меланхолично потягивал шампанское.

— Короче, мы ее сейчас пытаемся отправить домой. Потому что тут она нам нужна, как баг в коде. Всё портит.

— Тут я, пожалуй, с вами не соглашусь, Аврора Валерьевна, — вступился за Лизу фон Миних. — У Елизаветы Андреевны нестандартный подход к расследованиям. Посмотрите, как мы поднялись в Рейтинге благодаря ее усилиям! И я до сих пор под впечатлением от ее совместной работы — или я должен сказать «соперничества»? — с господином Шварцем, который был вынужден признать полное поражение в этой интеллектуально-детективной битве.

— Блиин, — закатила глаза Аврора.

— Я был бы счастлив, если бы Елизавета Андреевна сумела здесь задержаться, — заключил граф. — Но она всеми силами души стремится домой, в другой мир. Хотя, судя по ее же рассказам, это поистине страшное место. Загробный мир и то кажется привлекательнее...

— Да! — выкрикнула Лиза, смутно понимая, что обсуждается ее биография. — Я из другого мира и горжусь этим!

— Тихо ты, репка в кепке, — накинулась на нее Аврора. — Короче, Макс, не буду грузить тебя нюансами, но мы работаем над тем, чтобы закинуть Лиззи домой.

— Да! Хочу домой! На такси! — поддержала Лиза.

— Вот блин еловый, совсем ее развезло... Энивей, я делаю одну изящную программку для телепорта. Но этой обжоре сперва нужно похудеть, чтобы не распасться на гравитоны во время перемещения между мирами. А она рот закрыть не может. Поглощает пирожки, как вирус — личные данные пользователей.

— Максим, мы понимаем, что в эту историю сложно поверить, — сказал граф. — Но я даю вам слово дворянина, что это чистая правда. Филипп Петрович сможет подтвердить всё

до последнего слова, когда вернется из Америки.

Макс помолчал.

Посмотрел на Лизу, которая была страшно занята — тыкала пальцем в Перстень, приговаривая: «Колечко, покажи, что там Пуська делает? Небось колбаски у Самобранки заказывает? Колечко-колечко, а покажи мне Игоря! Как он Новый год отмечает — «ерша» делает из «Советского шампусика» и водки? С соседом опять дерется? Ну, покажешь ты уже что-нибудь или нет, дрянь изумрудная?» Разумный Перстень, принципиально не отзывавшийся на пошлое «колечко», надменно молчал.

Макс снова закинул ногу на ногу.

Опять посмотрел на Лизу. Теперь она, пригорюнившись, бормотала над своей заливной рыбой: «Если мы в таком темпе будем продвигаться, я на аэродром не попадаю».

— Чем я могу помочь? — просто спросил он Аврору и графа.

— И даже солёный кактус не потребуешь за молчание? — изумилась Аврора.

— Благодаря Лизавете мне премию дали за арест Фернанды, — сказал Макс. — Так что я в деле. Мне нужны новые эмоции. Хочу вжиться в роль героя фантастического фильма. А кактус мне ваш даром не нужен. Закажу себе нормальных солёных огурчиков из «Омелы». Ты будешь что-нибудь, королева шорт-кодов? И вы, граф?

— Ну океюшки, уговорил, — сварливо сказала Аврора. — Пусть пришлют мне блинов с вареньем из брюквы.

— Я не против чашки зеленого чая, если не трудно, — попросил фон Миних.

— А мне кофе! — воскликнула Лиза, мгновенно отреагировав на магическое слово «Омела». — Умираю хочу кофе... И пирожков. Да. И... Я уже говорила, что хочу кофе? Значит так: я буду двойной эспрессо и по одному пирожку каждого вида... Постойте, я что-то забыла. Вот, Макс, вспомнила: закажи мне двойной эспрессо. И я ужасно хочу есть. Итак, я буду... А что я буду? Ах да, кофе! И пирожков. Закажи мне пирожков.

— Их там шестьдесят четыре вида, — предупредил Макс.

— Ладусики. Заказывай все. — Она положила голову на руки и отключилась.

— Вот блин еловый, — вздохнула Аврора.

— Доброй ночи-доброй ночи-доброй ночи, друзьяшки мои милые!

Кофе — это хорошо. Двойной эспрессо — это в два раза лучше, чем просто хорошо.

Лиза могла сейчас мыслить только очень простыми категориями. Ее сознание еще бултыхалось в пивном болоте, цепляясь за колючие еловые ветки. Однако доблестный кофеин, проникнув в отравленную алкоголем кровь, уже начал срочную операцию по спасению жалких остатков Лизиной соображалки.

Где-то рядом болтал ее лучший друг. То есть это он сам так себя называл. «Ваш лучший друг, ведущий телеканала «Всемогущий» Ангел Головастиков». Так. Телеканал. Телевизор. Дурацкая страна, которая секунды не может прожить без включенного на полную мощность телика.

Лиза оглянулась. Экранов в зоне видимости не было. Она оказалась в единственном ресторане империи, не оборудованном экранами. Вот почему тут так мало посетителей. Поэтому и еще потому, что еда здесь просто отвратная. Не говоря уже про напитки.

Лизу слегка затошнило, и она экстренно глотнула еще кофе.

— Радуйтесь, друзьяшки мои дорогие, потому что ваш лучший друг осчастливит вас своей компанией в эту миленькую новогоднюю ночь. Да-да, можете не отвечать, я знаю, что вы сейчас задыхаетесь от восторга.

Если телевизора нет — откуда доносится знакомая бессмысленная трескотня?

Лиза посмотрела прямо перед собой и вздрогнула. Напротив сидел Элвис Пресли и жадно поглощал пирожок. Кажется, с капустой и яйцом.

Тьфу ты, чего только спяну не примерещится.

Лиза на какое-то время снова выпала из всех реальностей, потом сообразила сделать еще один глоток эспрессо. Ее сознание уцепилось за руку помощи, протянутую мужественным и сильным кофеином, и благополучно выползло на твердый берег.

Нет, металлический стол действительно был завален аппетитными пирожками и блинами в фирменных зеленых упаковках с золотыми листочками. Лиза с трудом, но связала-таки появление упаковок с тем низким жужжанием, которое полчаса назад так навязчиво прорывалось сквозь еловое марево, окутавшее ее мозг. Значит, это были квадрики из «Омелы». И судя по количеству пирожков, сюда пожаловала целая процессия курьерских дронов. Как только она могла пропустить такое зрелище?! Дурацкое пиво, работает лучше любого снотворного. Вырубил ее не меньше чем на полчаса.

А напротив, между Авророй и Максом, и вправду сидел Элвис. А точнее — Ангел Головастиков, выраженный Элвисом. Тут было всё: белый шелковый костюм с золотыми звездами, цепочками и красными заклепками, короткий плащ с алой подкладкой, невообразимый стоячий воротник. На голове — взбудораженный кок, в глазах — огонек превосходства. И голая грудь, конечно. Гладкая и блестящая от масла.

— Эмм... A little less conversation a little more action? — сказала Лиза нетвердым голосом. Она вполне лояльно относилась к старому рок-н-роллу.

Все недоуменно уставились на нее.

— А я-то думала, ты трезвеешь, — сказала Аврора.

— Так я и трезвею. Даже вот песню Элвиса вспомнила.

— Какого еще Элвиса, Лизавета? — спросил Макс.

— Того самого... Ну как же, Элвис — все знают Элвиса!

Лиза чувствовала себя совершенно беспомощной. Это как объяснить: «Солнце! Ну солнце, понимаете? Такой шарик, который каждое утро поднимается над горизонтом! Ну кругленький, блестящий! Дарит всей планете жизнь и мешает вам смотреть телевизор».

— Генри Джон Элвис, сударыня? Британский ботаник, коллекционер бабочек? — с участием спросил граф.

— Нет! Вот дурацкая империя, просто курам на смех, — чуть не плача, сказала Лиза. — Что это вообще за мир без Элвиса Пресли!

— Что? Пресли? — вклинился Ангел, играясь с цепочкой на своем расклешенном рукаве. — Но при чем здесь песни, милочка? «Пресли» — это довольно классенький отечественный производитель джинсов. Основан в тысяча девятьсот сорок третьем американцем Верноном Пресли, он приехал в Россию на заработки. Первое время джинсы шила его жена Глэдис, эти первые пары сейчас ценятся как яйца Фаберже! Винтаж, история! Мне, конечно, удалось отхватить один ценный экземплярчик. Я их не ношу, держу дома под стеклом в специальном стеллаже... И как вы можете этого не знать? — Он окинул надменным взглядом Лизин мешковатый свитер: — Хотя да, с вашим-то стилем, милочка... Вы, наверное, и про Лидваля-то никогда не слышали... Да, а потом фирма перешла по наследству сыну Вернона — Аарону Пресли, ну и пошло-поехало. У него была такая эффектная фигура, просто ух, восторг, он сам фотографировался для рекламных плакатов... С обнаженным торсом, о, римский гладиатор... Джинсы расхватывали, как горячие пирожки. — Ангел в ажитации уцепился за очередной пирожок, кажется, на этот раз с рисом, и затолкал его в рот. — У меня шестьдесят четыре пары «пресли», — невнятно сказал он, жуя пирожок, — считая ту коллекционную. Или шестьдесят пять? Нет, одну я проиграл в карты на той безумной вечеринке. Значит, да, шестьдесят четыре. Стоп! Нет! Шестьдесят три! Я забыл, что еще одну пару пожертвовал одному своему страстному поклоннику. Расписался за заднем кармане и подарил. Итак, подведем итог: у меня шестьдесят три «пресли», и это так же верно, что я сижу здесь с вами и ем этот пухлый пирожочек с яблоками.

Лиза медленно приходила в себя. Всё это было до трицикликов странно: на одной руке Перстень-Разумник, на другой — обручальное кольцо из другого мира и полустертый автограф местной телезвезды... И ни в одной руке не зажата сигарета, непременная спутница алкоголя. Новый год в альтернативном мире, где нет Элвиса-музыканта, зато есть Пресли-модельер; где нет оливье, зато есть препротивная заливная барракуда; где нет боя кремлёвских курантов, зато есть космические музыкальные переливы; где нет Игоря, зато есть... друзья?

— Пять минут до полуночи, — сказал Макс.

— А мы что, Новый год с этим кривлякой будем встречать? — хриплым шепотом спросила Лиза у Макса. — Что он вообще тут делает? На запах пирожков прилетел?

Макс ответить не успел — за него это сделал сам Ангел: Лизин так называемый «шепот» был слышен даже за соседними столиками.

— Отнюдь, милочка, — обиженно отозвался Головастик, налегая на Аврорин блин с брюквой. — Я здесь вовсе не из-за ваших крестьянских пирожков и уж тем более не из-за ваших плебейских блинов. — Он высокомерно фыркнул, облил презрением кусок блина на своей вилке и сунул облитый презрением блин в рот. — Это еда слишком проста для такого изысканного херувимчика и чаровника, как ваш лучший друг и знаменитый телеведущий

Ангел Головастиков. — Иногда он вдруг начинал говорить о себе в третьем лице, и Лизу это жутко раздражало, даже если она слышала подобное по телевизору, что уж говорить про личное общение. — Такие эталоны великосветскости, как Ангел Головастиков, питаются только из рук личного повара, либо посещают особенные места. Например, «Глобализацию». Ведь тут подают индивидуальную, строго выверенную еду и напитки, которые предназначены исключительно мне и никому больше, ясно вам, наивные друзьяшки?

С этими словами он взял не допитый графом бокал с золотым шампанским, широко, как лягушка на охоте, разинул рот и опрокинул выдохнувшееся шампанское прямо в горло, измазав край бокала розоватым блеском. «Губы — мой инструмент, и я должен их увлажнять», — нахально заявил он в ответ на озадаченный взгляд графа и со звоном поставил бокал обратно на стол.

— Так вот, милочка, пока вы пребывали в прострации... Пойдите-ка, пойдите! А почему мне знакомо ваше лицо? — Лиза изумленно открыла рот, не в силах поверить, что после целого утра съемок в аэропорту Ангел так и не сумел ее запомнить. — Подождите, не отвечайте! У меня фотографическая память на лица. Я вас видел сегодня утром в вакуумке! Верно? Угадал? Ах, нет-нет-нет! Знаю! Вы меня гримировали перед дневной съемкой. Ну что, ваш кумир-очаровашка попал в самую точку? А? Признайтесь, что вы в шоке!

Лица молча показала Ангелу тыльную сторону своей правой ладони.

— А это что? Моя подпись? Ну я же говорю — вы были сегодня утром со мной в одном вагоне вакуумки, и я дал вам автограф, потому что я самый милый и обаятельный человек на земле, который никогда не откажет поклоннику!

С этими словами Головастиков торжествующе слопал пирожок с клюквой, на который нацелилась было Лиза.

— Энджи, у тебя сбой в системе. — В бессмысленный разговор вмешалась Аврора, явно недовольная утратой своей блина с брюквой. — Перезагрузи мозг, репка ты без кепки. Это наш ветеринар Лиззи. Ты снимал ее неделю назад в аэропорту. А до этого изрисовал ей всю руку на лестничной площадке, в нашем мандариновом доме. Она из девяносто седьмой квартиры.

Ангел безмерно удивился. Потом спохватился и срочно сделал вид, что и не думал удивляться.

— Ах да-да-да, именно это я и хотел сказать! Под словом «вакуумка» я имел в виду «лестница», а под словом «сегодня» я имел в виду... Когда там это было?

— Восемнадцатого декабря, — мрачно отозвалась Лиза.

— Да-да-да-да, именно восемнадцатого. Я сразу вас узнал, милочка! Ну что, какая у меня память на лица, а? Не отвечайте, сам знаю — фотографическая! Меня много раз просили завещать свой мозг науке как образец красоты и идеальных извилин, но я планирую жить вечно. А что? Если наши ученые уже даже единорога самого настоящего вывели, неужели не придумают эликсир бессмертия?

— Так что у вас случилось, товарищ Головастиков? — устало спросила Лиза, чувствуя, как у нее звенит в ушах от бесконечной трескотни телеведущего.

— Ах да, перейду прямо к делу. Итак, пока вы, милочка, спали с открытыми глазами, я как раз рассказывал вашим коллегам, что ваш лучший друг, симпатяшка и солнечный лучик Ангел Головастиков стал жертвой самого настоящего, бессовестного, более того, бесчеловечного преступления...

— Три минуты до Нового года, — сказал Макс.

— Что? Да, вот именно из-за всей этой новогодней суматохи я не дошел до вашего Отделения. Ну такая карусель! Вы, господа Ищейки, своими маленькими скучными умишками даже не можете себе вообразить, сколько у меня перед Новым годом дел. Всё собирался заглянуть к вам на Литейный, но просто на секунду же не вырваться! — Ангел утомленно закатил глаза. — Сплошные церемонии, шоу, награждения меня разнообразными статуэтками: «За лучшую прическу декабря-2019», «За самую нелепую ошибку года в телеэфире», «За самый накачанный пресс среди сыновей священников»...

— За что? — ошеломленно переспросила Лиза. — Среди кого?

— За самый накачанный пресс, — повторил Ангел, расстегивая ослепительный пиджак до пояса и демонстрируя вполне себе вялый и даже дряблый животик. — Среди сыновей священников. Мой папенька, черт его возьми, прожженный церковник. И если вы, милочка, думаете, что у меня не самый спортивный пресс, вы бы поглядели на других участников конкурса! Мы, прихрамовые дети, с детства приучены брызгать в людей святой водой, но никак не рассекать бассейн высокотехничным кролем...

— Телевидение — вот священная религия двадцать первого века, а вы, сударь, ее талантливый мессия, — меланхолично сказал граф. — Прошу прощения, но полночь наступит... — он щелкнул по Перстню, — ...через две минуты.

Лиза поняла, что пора любой ценой прервать полившийся как из ведра воспоминания Ангела о том, как он когда-то победил в турнире по речным салочкам среди самых завидных женихов Российской империи. От обилия подробностей касательно моделей плавок, в которых явились участники, у нее закружилась голова.

Она первая схватила пирожок с клубникой, к которому потянулся, ни на мгновение не переставая болтать, Ангел, и тем самым обратила на себя его (Ангела, не пирожка) внимание. Хотя пирожок тоже явно был счастлив спрятаться у нее во рту от потока сомнительных мемуаров.

— Что за преступление-то у вас произошло, дорогой мой человек? — успела выпалить Лиза в образовавшейся паузе.

— Камиллу! Камиллу похитили. — Ангел наконец-то добрался до ключевого момента своей истории. — Камиллочку, мою ненаглядную девочку, украли. Прямо у меня на глазах. Квадрик — вжжих! — влетел в открытое окно. И — всё, конец. Унёс Камиллу незнамо куда. Девочку мою беззащитную!

Глава 6

— Это ваша дочь? Или ваша супруга? — с участием спросила Лиза. — Так вам тогда не к нам, товарищ Головастиков. Мы только животными занимаемся.

— Унтер-офицер Абрикосов, полиция Санкт-Петербурга, — представился Макс, резко отставив в сторону рюмку с «сумасбродкой». — Готов принять ваше заявление о похищении. Несмотря на то, что до Нового года... меньше минуты. Непонятно только, почему вы так тянули с обращением в полицию. И сразу вопрос: что это за квадрокоптер, который сумел поднять человека?

— Что? А вы, друзьяшки, как я погляжу, совсем не интересуетесь частной жизнью ваших кумиров! Все, все вокруг, вся страна, вся планета, все параллельные миры знают, что Камилла — это моя драгоценная, обожаемая, прелестная курочка!

Макс хмыкнул и вновь взял рюмку в руку.

— Десять секунд, блин еловый! — сказала Аврора.

— погоди, Аврор, тут всё равно дело серьезное. — Лиза забеспокоилась. — Курица, конечно, не дочь и не жена, но она тоже может быть в опасности.

— Лиззи, бейби, тебе столько предстоит узнать в Новом году, — вздохнула Аврора.

— Сударыня, уверяю вас, волноваться не о чем. Филипп Петрович мне как-то рассказывал про Камиллу Головастикову. — Граф впервые за вечер улыбнулся.

— Да что происходит-то, во имя вселенского альфакальцидола? — заорала Лиза, окончательно потеряв терпение.

— Камилла — это моя драгоценная, обожаемая, прелестная *резиновая курочка!* — торжественно объявил Ангел, закрыл глаза в знак невозполнимой потери и смиренно склонил голову, как после причастия.

В этот момент из колонок грянуло «Боже, Царя храни!», только без слов и в какой-то альтернативной переработке, с проникающими до самой селезенки басами. Все встали — улыбаясь, словно предвкушая что-то хорошее. Лиза тоже поднялась, чтобы не быть белой вороной. Хотя гимн её страны был совсем другим. И улыбаться под него не следовало.

Вместе с оглушительным звуком из перфорированных потолочных панелей хлынул поток разноцветных конфетти.

В одно мгновение безликий, стерильный ресторан превратился в океан ярких красок.

Российская империя вошла в новый год. И это было сногшибательно. Особенно для того, кто нетвердо стоял на ногах.

Гимн закончился.

— С новым годом! С новым цветом! — зашумели посетители.

Все бросились обниматься, смеяться и хлопать друг друга по плечам. Люди лепили из конфетти рыхлые «снежки», радостно швыряли их друг в друга, хохотали во весь голос, словом, вели себя, как бессмысленные пятилетки на прогулке в детском саду. Громче всех пищал Ангел, мгновенно позабывший о своей безмерной скорби по пропавшей Камилле. Он наподобие юного козлика скакал по усыпанному конфетти полу, хватал с чужих столов яркие кружочки и горстями засовывал их за шиворот всем подряд. Напомаженный кок на его голове растрепался и покрылся россыпью нарезанных бумажек; налипли они и на губы, и на блестящую грудь, сам же он весь раскраснелся от веселья и довольства.

Макс ни в кого ничем не кидался, а непринужденно прогуливался между столиками,

сунув руки в карманы твидовых брюк, насвистывая и всячески делая вид, что он совсем не следит за соблюдением порядка, хотя, кажется, именно это он и делал. Изредка он запрокидывал голову к потолку и ловил ртом очередную «снежинку», пикирующую с металлических небес.

Присмотревшись, Лиза поняла, что конфеттишкой норовит угоститься каждый посетитель. В том числе и изысканный граф фон Миних. Откуда-то он взял чистый бокал, нацедил туда своего золотого шампусика и теперь был занят тем, что растворял в сверкающей жидкости круглые бумажки. Бумажки растворялись подозрительно быстро.

— Граф, какого папаверина вы делаете? И почему все вокруг едят эту цветную дрянь? — перекрикивая гул и гам, крикнула Лиза через стол.

Фон Миних подошел поближе со своим золотым бокалом.

— Это традиция, сударыня, — объяснил он. — Попробуйте хотя бы одну.

— Вот еще! — фыркнула Лиза. — Я пока еще в своем уме. Бумагу есть, выдумают тоже. А еще называют себя прогрессивной империей. Дураки какие. Одна я умная. Ну разве что еще Аврора.

Она кивнула на программистку, которая единственная из всех не ела конфетти, а с суровым видом их поджигала, прямо на лету, выпуская из своего Перстня крошечные, ослепительно зеленые лазерные лучики. Невесомые кругляшки вспыхивали в воздухе, как маленькие китайские фонарики, и сгорали, не успев приземлиться на стол.

— Класс, — с уважением сказала Лиза. — Я тоже так хочу.

— О, сударыня, *так* ни у кого из нас не получится, — усмехнулся граф. — Госпожа Успенская работала в «Емеле» — это научный оборонный центр, там в свое время и придумали климатическое оружие. Но оно закодировано на стольких уровнях, что даже Авроре взломать эту защиту не под силу... А вот Перстень со встроенным лазерным лучом она каким-то образом раздобыла.

— Как? Стянула из лаборатории?

— Боюсь даже предполагать. Модель «Ручной василиск» получают под расписку только агенты Третьего отделения... Когда-то и у меня такой был... — Граф помрачнел, глотнул шампанского, потом тряхнул головой, отмахиваясь от воспоминаний. — Так или иначе, Аврора никогда не ест лепестки. Принципиально. Она против любых традиций, и ее упрямство — уже тоже своего рода традиция Седьмого отделения.

— Лепестки?

— Да, так они называются. Попробуйте, Елизавета Андреевна. Не пожалеете, словес дворянина.

Невесомые «снежинки» продолжали потихоньку кружить в воздухе. Лиза протянула ладонь, поймала три конфеттишки: зеленую, белую и серебристую.

— Нужно произнести пожелание: чтобы год был ярким и сладким, — подсказал граф. — Мы тут в приметы не верим, но эта работает.

Лиза пожала плечами:

— Сказать я могу что угодно. Это всего лишь слова. Как там надо? Чтоб год был ярким и сладким, чтоб серотонин держался на уровне поросычьего восторга, адреналин бурлил в крови как ваше шампанское, а Пуська перестал драть Самобранку! Ну, с самым дурацким Новым годом вас, граф!

И она бесстрашно закинула в рот все три кругляша сразу.

Это и правда оказалось вкусно. Лепестки таяли на языке и напоминали то ли

миндально-цитрусовые печеньки, то ли леденцы-барбариски, то ли сладкий воздух раннего летнего утра. Ничего подобного Лиза в жизни не пробовала. Это был вкус другой Вселенной. Вселенной, где никогда не слышали о пальмовом масле, пищевом формальдегиде и гликане пекарских дрожжей. Серотонин в крови у Лизы резко взмыл вверх.

— Вкусняшка какая... Еще! — Лиза потянулась к своему бокалу из-под пива, который наполовину заполнился восхитительными кружочками.

— Хватит тебе, — сварливо сказала Аврора. Ей, видно, надоело испепелять лепестки, поэтому она подъехала со своим стулом поближе к Лизе и принялась испепелять взглядом ее. — В дыру между мирами не влезешь. Да и пить ты, бейби, совсем не умеешь. Дай-ка я прямо сейчас приведу тебя в норму.

Аврора пустила лазерный луч из своего Перстня прямо в Лизин Разумник. Тот отозвался невиданной вибрацией, от которой Лиза моментально протрезвела. Она испугалась, что Аврорин лазер заодно сжёт ей безымянный палец левой руки, но нет, всё было в порядке.

— Другое дело, — удовлетворённо сказала Аврора. — Окей. Теперь соберись — сейчас кое-что начнётся. Не пугайся.

— Что, во имя анальгина? Что начнется? — тут же ужасно перепугалась Лиза.

Между тем, «кое-что» оказалось еще одной весьма занимательной и совсем не страшной новогодней традицией альтернативной России.

— Светлого года, сограждане! — раздался уверенный женский голос прямо у Лизы в ухе — в том, где сидел Разумный наушник. Таким голосом обычно разговаривают электронные навигаторы: «Через пятьдесят метров поверните направо».

Перстень на Лизиной руке тоже ожил сам собой, засиял неярким зеленым светом. Над ним возникла маленькая трехмерная картинка: спортивного вида девушка, Лизина ровесница, оседлавшая мощного гнедого коня. Благодаря Пуськиной телезависимости Лиза сразу узнала в виртуальной девушке местную императрицу Екатерину.

То же видеопослание запустилось у каждого посетителя ресторана. Перстни вспыхнули одновременно за всеми столиками — множество зеленых огоньков тут и там, будто светлячки на поляне. Ангел прекратил свои безумства, вернулся к Ищейкам. Макс присел рядом. Граф отставил в сторону бокал. В «Глобализации» мгновенно воцарилась тишина. Вся империя замерла, прислушиваясь к голосу молодой государыни.

Вся империя — кроме Авроры. Юная нонкомформистка гордо скрестила руки на пышной груди, демонстрируя всем и каждому темный экранчик своего Перстня.

— Блокировка массовой рассылки, — пояснила она в ответ на недоуменный взгляд Лизы. — В том числе императорского спама.

— Дом Романовых поздравляет вас с наступлением нового года, — бодро вещала тем временем Екатерина в наушнике. — Вся наша семья — мой папенька Николай Константинович, мой дедушка Константин Алексеевич, моя бабушка Мадлен Густавовна, наконец, мой супруг Генри Маунтбаттен-Виндзор, — шлет наилучшие пожелания вашим семьям. Желаем вам расширить горизонты в наступившем году! И как всегда, мы не ограничимся пустыми словами. Каждый гражданин империи в этом году получит подарок от Дома Романовых. Подарок, стирающий границы между небом и землей, между привычным и незнакомым, между родным и новым...

— Ну? — нетерпеливо спросила Аврора у графа. — Она уже сказала про подарок? Что в этом году? Какой подарок? Надеюсь, не хуже прошлогоднего!

— Минутку, сударыня, сейчас как раз об этом речь.

— О, хоть бы всем начинающим художникам выставку в Зимнем в этом году подарили, умоляю, Боже! — бормотал Ангел, закрыв глаза. — Какой пиар моим картинам, какой пиар, мне нужно это, Господи! Обещаю, что буду весь год хорошо себя вести, если исполнится моя просьба. Очень, очень хорошо. Обещаю, обещаю. Да помогут мне небеса и Её Величество!

— Итак, сограждане — я дарю каждому из вас бесплатный билет на Луну! — радостно сообщила императрица. — Не все еще побывали на самой близкой к Земле планете. Но ведь сегодня это не более трудное путешествие, чем до ближайшего пригорода! Не пожалейте времени, выделите неделю на эту незабываемую поездку на комфортабельном космическом автобусе. Вы вернетесь другим человеком. Империи нужны просвещенные граждане, с гибким мировоззрением, умеющие взглянуть на любую проблему с разных сторон — в том числе и с обратной стороны Луны... Берите свой бесплатный билет — и вперед, к звездам! Причем без всяких терний.

Ангел чертыхнулся.

— Ну вот, — мрачно сказал он. — Опять придется вести себя плохо. Целый год.

Аврора пристала к графу, требуя рассказать о подарке. Граф коротко рассказал. Аврора сделала кислую физиономию, однако улыбка нет-нет да и прорывалась сквозь барьер. Макс казался довольным. Так же как и остальные посетители. Ресторан дружно аплодировал подарку императрицы.

— А теперь — главная интрига, — объявила Екатерина. Её роскошно-шоколадный конь встал свечкой, как в цирке, государыня при этом умудрялась держать изящную осанку. — Объявляю официальный цвет наступившего года. Внимание... Это... Серебристый! Цвет Луны, как вы уже догадались. Мои поздравления всем, кто успел съесть серебристый лепесток в первые пять минут нового года, — следующие двенадцать месяцев вам будет сопутствовать удача. Удача космического масштаба! Светлого года, друзья. И не забудьте выглянуть в окно. На улице вас ждет еще один сюрприз.

Самоходные тележки кинулись со всех колес развозить верхнюю одежду посетителям.

Ищейки тоже засобирались на выход, стряхивая с плеч разноцветные конфетти. Лиза напоследок прихватила с собой пару горстей бесподобных лепестков. Если честно, набила ими все карманы — не только жилетки, но штанов. А что же, оставлять бесплатную вкуснятину вот так, на столе?!

Она хотела взять и золотые чайники из графского шампанского, но очередная подлая тележка её опередила, увезла чайник с бесценной заваркой обратно на кухню.

— Куда это вы, друзьяшки дорогие? — капризно спросил Ангел, жадно доедая Лизину барракуду под шубой из сладких лепестков. — А кто будет расследовать пропажу моей Камиллы? Я думал, вы сейчас меня допрашивать станете. Кого я подозреваю, почему я подозреваю именно Левинсона, и так далее. Хрену к этой рыбе не хватает. Эй, человек! — махнул он проезжающей мимо самоходной тележке, нагруженной куртками. — Хренку мне, да поживее!

Чтобы скрасить минуты томительного ожидания, он мгновенно допил всё золотое шампанское, остававшееся в чайнике.

Аврора отобрала у него вилку.

— Энджи, телега тебе не официант, ничего просто так не повезет. Не получишь ты тут ни хрена, ни горчицы, успокойся. Идём на улицу, смотреть сюрпрайз.

— Понимаю, понимаю, милочка, что вам всем было бы лестно разгуливать по зимнему Петербургу в компании телезвезды, но работа прежде всего, — заупрямился захмелевший Ангел. — Никуда не пойду, пока не допросите меня по полной программе! И вообще, отправлю-ка я на вас жалобу куда следует. Самому Реннен... Ренька... Редькакампу, вот. Эй, Перстень, найди-ка мне электронный адрес начальника этой шарашкиной Канцелярии! Сейчас я заявочку-то оформлю на вас, Болонок ленивых...

В знак протеста он выдул остатки елового пива из Лизиной бутылки.

— Сударь, не принимайте поспешных решений, — взволновался граф. — Ваша жалоба нанесет серьезный удар по нашей репутации, а ведь мы только-только начали подниматься вверх по Рейтингу. Поймите, господин Головастиков, «преступление», жертвой которого вы стали, это не совсем наш профиль... А точнее, совсем не наш. Пропало не живое существо, пропала вещь, неодушевленный предмет... Хотя я и понимаю, сударь, насколько вам дорог а, кхм, Камилла, но всё же, перефразируя «Горе от ума», вы герой не нашего романа.

— Очевидно, моего, — усмехнулся Макс. — И даже не романа, а так, записок на манжетах. Ну что, господин Головастиков, вы готовы подать официальное заявление в полицию о краже вашего личного имущества?

— Не готов! — Ангел был настроен жутко серьезно. Еловое пиво явно было лишним. — А вот и нет! Буду сидеть тут, как апостол Петр у райских врат, пока мной не займутся спецагенты Седьмого отделения! Я вам что, плебей какой-нибудь, чтобы мое дело, дело знаменитого и даже, не побоюсь этого слова, величайшего телеведущего двадцать первого века, поручать безмозглым городовым?

Макс надул щеки и с шумом выпустил воздух.

— Я мог бы показать результаты своего теста на интеллект, который мы в полиции проходим ежегодно, но, боюсь, это не спасет ситуацию, — пробормотал он.

Между тем, свет в ресторане стал тускнеть. Кроме растерянных Ищеек, возмущенного Ангела и самоходных тележек, устроивших грандиозную уборку пола и столов (при помощи разнообразных выдвижных приспособлений), в зале никого не осталось.

«Блин еловый, срочно на выход, иначе нас тут закроют до утра», — сказала Аврора, похожая на обеспокоенного поросенка. «Система обслуживает гостей только до двадцати минут первого. Без исключений. Пять минут на охоту за лепестками, пять минут на послание императрицы, десять минут на сборы. Всё. Ёлки-ёлки-ёлки. У нас пять минут, чтобы искейпнуть отсюда».

Лиза испугалась. Очень не хотелось застрять в неприветливой «Глобализации» еще на несколько часов. Вот если бы в «Омеле»... К тому же она возжелала увидеть обещанный сюрприз от императрицы, хотя и подозревала, что это всего лишь банальный фейерверк, ну в лучшем случае — китайские фонарики.

— Товарищ Головастиков. — Лиза отодвинула плечом расстроенного графа и приблизилась к разнузданному Элвису. — Вот что я вам предложу...

— А вы, простите, кто? — спросил елово-пивным голосом Ангел. — Где-то я вас видел, милочка.

— Опять двадцать пять! Ладно, слушайте. Я — ваша преданная фанатка, видите ваш автограф на моей руке?

Ангел величаво кивнул, едва не свалившись со стула.

— Вижу, милочка. Значит, вы плохого не посоветуете. Вкус у вас превосходный!

— Точно. В общем, я не только ваша фанатка, но еще и ветеринар Седьмого отделения Личной Канцелярии Её Величества. Совмещаю обожание своего кумира Головастикова с работой спецагента. Пока всё понятно?

— Как божий день! — согласился Ангел. — Мои поклонники — они везде, они повсюду... Во всех отделениях, во всех канцеляриях. В Личной Канцелярии Её величества... В небесной канцелярии... Все меня любят... Только я сам себя не люблю. И кисти меня не любят, не слушаются. Не получают у меня пока картины, понимаете, милочка, не выходит живопись! Так, мазня какая-то, живописанина, честно вам признаюсь, как своей преданной фанатке...

Он загрустил, свесив голову набок.

— Товарищ Головастиков, не отвлекайтесь, — строго сказала Лиза. — Значит, так. Мы сейчас выходим на улицу, смотрим сюрприз, если он еще там, конечно, а потом едем все вместе к вам домой и смотрим место преступления. Договорились?

— А?

— Я спрашиваю, вы готовы показать агентам Личной Канцелярии свою квартиру? А точнее, комнату, из которой украли вашу Камиллу? Надеюсь, это была ваша спальня...

«Главное — доставить его домой и уложить спать, а завтра он протрезвеет и забудет про свою дурацкую курицу», — тихо сказала она графу. «Начнутся опять вечеринки, ему будет не до нас». Фон Миних кивнул.

Ангел неохотно встал и, покачиваясь, набросил на плечи роскошную шубу из искусственного красного меха.

— Готов, милочка, так и быть, покажу, — милостиво отозвался он. — Только, чур, гадкий городской с нами не пойдет! А то лезут всякие в мои личные покои. Это место не для плебеев в твидовых штанах.

«Гадкий городской» фыркнул и сказал «не очень-то и хотелось».

«Только у господина Абрикосова есть полномочия вести это расследование, дело вне нашей юрисдикции, мы потом документы не сможем оформить, Ренненкампф всех уволит, — прошептал граф, наклонившись к Лизе. — Максим должен быть с нами».

— Мы берем лучшего унтер-офицера столичной полиции, чтобы он вас охранял, — нашлась Лиза. Этот поворот, кажется, устроил капризулю Головастика. — Всё, утрясли? Вот и ладусики. Протрезветь быстро хотите? Аврора может организовать.

— Неа, — отказался Ангел. — Я пьяный себе больше нравлюсь.

— Странно, — хмыкнула Лиза, — но пусть так. И главное: жалобу на нас писать будете?

— Я? — безмерно удивился Ангел. — Зачем? Вы такие миленькие. Охотитесь за моими автографами, охотитесь за гадкими преступниками... Друзьяшки, да я же вас обожаю!

На этой оптимистичной ноте Ищейки наконец-то вырвались из холодных металлических объятий «Глобализации» на кипящую, бурлящую, искрящуюся огнями и весельем ночную улицу Корюшки. Следом за ними защелкнулась стальная дверь ресторана.

Впрочем, «ночной» улица Корюшки оставалась совсем недолго.

Ищейки успели к самому началу императорского сюрприза.

Это были не фейерверки. И не фонарики. И не какой-нибудь там бумажный дракон или, скажем, оленья упряжка рождественского толстяка, любителя эля и бретцелей Санта-Клауса.

Это был по-настоящему крутой, немислимый, достойный Вселенского монарха сюрприз.

Далеко-далеко, в темном небе, выстроились торжественным караулом сотни искусственных спутников Земли. Очевидно, отечественных, потому что сложились они в гигантские русские буквы: «СВЕТЛОГО ГОДА!». На одну только точку восклицательного знака ушло, наверное, не меньше пары десятков летающих объектов. Они сверкали, как звезды из детской книжки, отражая солнечный свет.

Впечатление от незабываемого зрелища несколько смазывали стенания Ангела, отморожившего себе голую грудь при смешных трёх градусах выше нуля. Впрочем, его хныканье тут же заглушил знакомый мощный рык:

— Дамы и господа, мы с вами наблюдаем уникальный космический танец семисот семнадцати спутников, принадлежащих различным компаниям Российской империи... Двести летательных аппаратов запущены при помощи космических лифтов, девяносто три выпущены из космических пушек...

Лиза узнала ведущего Ричарда Кинга, Пуськиного любимца. Звук доносился из огромного экрана, вмонтированного в фасад довольно мрачного ресторана с наглухо зашторенными окнами. Ресторан назывался «Народ безмолвствует: обед в полной тишине», и орущий на его стене телевизор не очень-то вписывался в концепцию заведения.

— Еще и на этого дешевого Дика смотреть! — окончательно раскуксился Ангел. — Метит, подлец, на мое место, надоело в новостях сидеть, хочет свое ток-шоу. А я не отдам! Друзьяшки, ну когда уже домой? На моей груди можно уже соревнования по фигурному катанию устраивать!

— Так застегните шубу, сударь, — прагматично посоветовал Макс, честно исполняя роль телохранителя. — Сразу станет теплее.

Ангел закатил глаза:

— Вот сразу видно — не разбираются простые жандармы в высокой моде. Шубу застегнуть! Так это весь образ рухнет. Что же за «Икона стиля» я буду после этого? А ведь

такую награду мне тоже вручили на днях. Нужно держать марку, пусть даже я и скончаюсь в страшных муках от переохлаждения, у всех своих фанатов на глазах... — Головастики всхлипнул от жалости к себе.

— Сейчас пойдем, — с досадой сказала Лиза. — Сюрприз досмотрим и пойдем. Может, спутники падать начнут или взрываться. Хочу поглядеть на позорище.

— С чего это они должны падать, бейби? — удивилась Аврора.

— Ну так — российские же, — пожала плечами Лиза.

— Значит — самые прогрессивные, — непонимающе уставилась на нее Аврора. — Или у вас как-то по-другому?

— Ну, в моем мире спутники, конечно, не такие разумные, как у вас, — сказала Лиза с вызовом, — но новогодние сюрпризы для народа не хуже. Вот, скажем, «Голубой Огонёк», он еще древнее дурацкого космоса... А там Киркоров выступает, и танцует он пободрее ваших глупых спутников, а ему, между прочим, уже лет сто...

— Мда, — только и сказала Аврора, быстро потеряв интерес к Лизиному бормотанию.

Тем временем с парящей в невесомости надписью и впрямь стало твориться что-то странное. Спутники подозрительно замигали и судорожно задержались, как вышеупомянутый Киркоров.

— Ага! — торжествующе воскликнула Лиза. — Взрываются! Я знала, что чудес не бывает! Это же Россия, товарищи!

В этот момент спутники превратились в 717 маленьких ярких солнц. Ослепительный свет залил столицу. А может, и половину Евразийского континента впридачу — Лиза, не будучи астрофизиком, не могла сказать наверняка. Что она точно могла сказать — что при таком освещении можно было провести нейрохирургическую операцию.

Толпа ахнула — и взорвалась аплодисментами. Люди шурились, моргали, но продолжали смотреть на удивительные искусственные солнышки.

— Дамы и господа! — объявил Ричард Кинг голосом Левитана. — Мы стали свидетелями успешного тестирования первых в истории Земли космических зеркал! Спутники развернули уменьшенные копии светоотражающих парусов, разработанных для проекта «Второе солнце». Поздравляю вас с грандиозным прорывом вселенского масштаба. В этом году мы сделали решительный шаг к званию Новой Империи, над которой никогда не заходит солнце...

— Кто включил свет? Уберите иллюминацию! — возмутился Ангел, закрывая лицо локтем. — Все мои морщины напоказ. Что за бред, это «Второе солнце». Никакого удовольствия от вечеринки, если за окном вечный полдень.

Тренировочные паруса начали складываться один за другим, ночная тьма постепенно возвращалась в Петербург. Праздник окончился, пора было заняться «расследованием века».

Ищейки побрели к остановке вакуумного трамвая, останавливаясь по дороге возле наряженных деревьев. Лиза с пристрастием осматривала незнакомые растения.

— Это еще что за дикость, папаверин меня покарай? — дивилась она, разглядывая нечто хвойное. Пожалуй, больше всего это дерево напоминало инопланетную тую, пережившую апокалипсис своей Галактики. Всё оно было какое-то многослойное. Ветви ширились во все стороны, переплетаясь друг с другом, формируя пушистый зеленый шар метра два в диаметре. Внутри шара светились разноцветные лампочки гирлянд. Мягкие иголки хвойника пахли салатом «Витаминный» из советской столовки.

— А вот как раз-таки, сударыня, не дикость, — поправил ее граф, — а искусственно выведенное новогоднее дерево под названием «ёлкокапуста». Произведение дендрологического искусства от внука знаменитого ботаника Добровлянского. Профессор Яков Васильевич Добровлянский, наш с вами современник, друг моего отца, скрестил гены быстрорастущей капусты с генами традиционной лесной ели, за что и получил Орден Подвески от экс-императора Николая Константиновича.

— Зачем? — ошеломленно спросила Лиза. — Зачем он скрестил ёлку с капустой?

— Так как же, сударыня? — в свою очередь, удивился граф. — Чтобы уберечь знаменитые русские леса. Профессора Добровлянского даже в министры звали после этого изобретения, но он отказался. Сказал: «Видели бы вы, какую я вырастил ёлкокапусту»... Да, новогодние деревья двадцать первого века разводят в специальных питомниках, всего за один год они вырастают из семечка вот до таких размеров... Такая же история и с трансгенным таёжным бамбуком. — Фон Миних кивнул в сторону еще одного внеземного хвойного высотой метров пять: какая-то колючая пальма с сибирскими шишками, украшенная зелеными и белыми стеклянными шариками. — Перед вами классическое генетическое сочетание кедра с вечнозелёным азиатским злаком. Вы знали, что бамбук принадлежит семейству злаковых?

— Но как же обычная ёлка? — всё никак не могла взять в толк Лиза. — В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла-а-а — понимаете, в лесу росла, а не в каком-то питомнике сумасшедшего профессора!

— Пфф, милочка! — фыркнул Ангел. — Вы что, с альпийских гор вчера спустились? Что за деревенщина! Глупые лесные ёлки давно уже не в моде. Какая отсталость, друзьяшки мои, Ангел Головастиков просто в шоке! Вам с таким деревянным менталитетом, милочка, в Швейцарии надо жить. Вот там-то наверняка и по сей день какие-нибудь дурни-дровосеки берут в конце декабря свои глупые топоры, тащатся в лес, по колено в снегу, рубят всё что им попадется на глаза... Кошмар!

Пока Ангел громогласно обличал дремучих простаков-швейцарцев, Лиза незаметно отломала пушистую веточку. Краденое-то лучше растёт, это всем известно. Таёжный бамбук ей не понравился, а вот ёлкокапуста приглянулась. Главное — чтобы Пуся не слопал новые побеги, когда они появятся. Вкусовые пристрастия этого котяры просто непредсказуемы.

В вакуумном трамвае обсуждали новогодний подарок императрицы — бесплатный полёт на Луну.

— В гробу я видел эту Луну, — безапелляционным тоном сообщил всему вагону Ангел. — Я там на съемках был, вёл шоу «Расчётный час: полночь». Про лунный отель. Так я

вам скажу: на этой гадкой планетке сплошная пыль и ни одного приличного ресторана. Делать там нечего. Ну то есть абсолютно.

— Товарищ Головастиков, вы, кажется, не расслышали главное, — сказала Лиза. — Это же бес-плат-но! Халява, понимаете? Лично я до потери пульса боюсь летать. Даже на самолете. Даже просто в небо смотреть не люблю. Но свой бесплатный билет не упущу. Обязательно полезу в дурацкую ракету.

Потом Лиза вспомнила, что вообще-то ей вскоре предстоит совсем другое перемещение в пространстве, и даже немного расстроилась, что вряд ли успеет до своего отъезда сгонять на Луну и обратно. Ну и ладусики. Свадебное путешествие с Игорем на их родной «синюшке» намного веселее всяких там покорений Галактики на каких-то сомнительных космоавтобусах. Так ведь? Разве сравнится второразрядный лунный отель с роскошным дагомысским пансионатом 1982-го года постройки, в котором есть горячая вода аж до семи часов вечера?

— А в вашем мире какие подарки делают гражданам в Новый год? — спросил Макс, улучив минутку свободы от своего подопечного. Ангел отвлекся на раздачу автографов восторженным пассажирам трамвая.

— Ну как — какие подарки? — Лиза пожала плечами. — Обыкновенные государственные подарки. Новые налоги, например. Эээ, коммунальные тарифы повышают с первого января. Но это ничего, в электросчетчик всегда можно вставить скрепку, и он остановится. Вот так-то, дорогая Аврора! — повернулась она к скучающей программистке. — Я тоже очень даже владею высокими технологиями!

— Ага, и поэтому тебя должны немедленно назначить шефом Великого и Могучего Девять-Ноль-Девять, — с сарказмом отозвалась Аврора. — Ты, пожалуй, внедришь что-нибудь новенькое в работу их Отделения. Скрепку, например, внедришь.

Лиза проигнорировала насмешницу.

— А что вам в прошлом году от императрицы досталось? — обратилась она к Максиму.

— О, было забавно. Проект назывался «Твоя минута» в эфире. Каждый гражданин старше четырнадцати лет получил шестьдесят секунд на телеканале «Демос». Ну вроде как Гайд-парк, только телевизионный. Можно было говорить что угодно. И на сайте канала размещали твоё выступление.

— Что угодно?

— Что угодно, — подтвердил Макс.

— И критиковать Екатерину? — насмешливо спросила Лиза.

— Да, но никто этим не занимался...

— Я так и знала.

— ...глупо было тратить на это свою бесценную минуту! У нас для критики царской семьи выделена особая дата. Двадцать девятое февраля. Праздник называется День Гнева.

— Как-то с трудом верится в такой праздник... Ну а про что ты тогда говорил во время своей телеминутки?

— Я? Я делал импрессию. Мини-скетчи, микро-миниатюры. Такая экспресс-презентация меня как актера. Нельзя было упускать свой шанс!

— Позвонил кто-нибудь?

— Пока нет, — бодро ответил Макс. — Но я не теряю надежды.

— А ты, Аврора, как воспользовалась своей телеминуткой?

— Да никак. — Аврора сморщила носик-кнопку. — Я в таком массовом трешняке не

участвую. Отдала свою минутку Филиппу Петровичу. Он там все сто двадцать секунд размахивал резиновой курицей и рекламировал нашу Семёрку.

— Позвонил кто-нибудь? — снова спросила Лиза.

— Неа, — вяло отозвалась Аврора. — Никому мы и даром не нужны.

— А вы, граф? Вы наверняка в эфире читали стихи. Ананасы в шампанском и всякое такое. Ну, угадала?

— Отнюдь, сударыня, — тихо сказал граф. — Я говорил о черном пятне на карте Европы. О Швейцарии. О том, что не могут просвещенные, образованные граждане игнорировать тот факт, что совсем рядом с ними, за каменной стеной, находится страшное, темное место, где страдают люди. Я говорил о том, что готов в одиночку сражаться со швейцарским режимом, если только с меня снимут запрет на агентурную деятельность за границей. Я говорил о том, что каждый заслуживает второго шанса...

— Батюшка миотропный бендазол! Впечатляет. А результат? Позвонил кто-нибудь? — спросила Лиза.

— Позвонил Ренненкампф, — сухо ответил граф. — Потому что ему позвонила сама Екатерина Николаевна. Спрашивала про меня. Просила повторно отправить на швейцарское задание. А он ей отказал. Вот и вся история, сударыня.

— Вот вечно вы, граф, уныния напустите, — подключился Макс. — Можно подумать, у вас одного в жизни бывают разочарования. Вот, помню, подарили нам от императора Николая Константиновича «Юрьев день 2.0». Идея — обалденная. Первого марта можно было явиться в любую компанию, прямо с улицы, и тебя обязаны были взять на стажировку. И какой же я был дурак! Пошел в жандармерию. Хотел набраться полицейского опыта для ролей в боевиках и сценического — в Театре Офицеров.

— Достойная актерская школа, — кивнул граф. — Уважаемые режиссёры.

— Да, спектакли мы даём, и при полном аншлаге, но это всё не то... И-эх, надо было рискнуть и сразу в Шепси метнуться, на студию. Никуда бы не делись продюсеры, взяли бы на пробы в «Рыбу с золотой чешуей» как миленькие... Всего одна роковая ошибка — и вот до чего докатился: играю роль телохранителя пьяной полузакатившейся телезвезды с голой грудью!

— Что, друзьяшки мои милые? — обернулся к ним Ангел. — Вы что-то про меня говорили?

— Хвалили вас, товарищ Головастиков, и вашу мужественную грудь! — поторопилась Лиза.

— Это правда, грудь у меня мужественная, — умильно согласился Ангел, поглаживая себе по впалой куриной грудке. — Прямо загляденье.

— А изобретательная у вас императорская семья, клянусь альбуцидом, — сказала Лиза. — Это же каждый год нужно что-нибудь эдакое придумать.

— У них консультант хороший, — сказал Макс. — Креативный директор «Всемогущего». Господин Левинсон. Вот бы познакомиться с ним.

— Что? — снова вскинулся Ангел. — Вы про этого гадкого Левинсона вспомнили? Надеюсь, в связи с моим преступлением? Я вам уже говорил, что я его подозреваю в наипервейшую очередь? Вы просто обязаны его допросить!

— Я не против, — сказал Макс.

— Давайте не будем торопиться, господа, — сказал граф. — Сперва нужно осмотреть место преступления.

— А вот и наша остановка, — сказала Аврора. — Эй, Лиззи, выходим! Вы гляньте, господу: она опять ест. Что? Лепестки? Откуда она их взяла, во имя Господа Бота? Поверить не могу, что агент Личной Канцелярии Её Величества таскает в кармане обеды из ресторана.

Квартира Ангела изначально не слишком отличалась от Лизиной. Те же мандариновые стены, та же Самобранка посреди гостиной.

Однако Лиза пока не успела придать своим съемным апартаментам индивидуальности — ключья кошачьей шерсти повсюду и чахлый лимончик на подоконнике не в счет. А вот Головастиков явно трудился над украшением интерьера в поте лица. Ну и немножко перестарался, с кем не бывает.

Пока все гурьбой раздевались в прихожей и пытались освободить буйного Ангела от его великой шубы («Не отдам! Это продуманный образ!»), Лиза подкралась поближе к широкой арке и заглянула в гостиную.

Всё здесь было в избыточном количестве.

Гостиная телеведущего напоминала личные покои арабского шейха, решившего все свои нефтяные богатства спустить на мебель и расшитые подушечки с кисточками. Кисточки присутствовали также и на портьерах, и на ковре, болтались они в большом количестве и по краям Самобранки. Пуську бы сюда, подумала Лиза. Это же для кота просто Диснейленд.

Тут были и диваны, и кушеточки, и низкие столики на позолоченных львиных лапах, и какие-то пуфики, и керамические вазы, и бронзовые кальяны, и медные лампы — ну разве что джинна не хватало. Но всё это валяжное великолепие меркло по сравнению с картинами на стенах.

Это были не просто какие-то там картины, а КАРТИНЫ. От них перехватывало дыхание и кружилась голова.

— Во имя психотропов всех Галактик! Это что еще за несусветная выставка? — ахнула Лиза. Ей показалось, что она вновь опьянела, даже противный еловый вкус почудился во рту.

Это был космос. Или художественное воплощение шоколадного пудинга, в который накидали всего, что было в холодильнике: от вишни до кусочков вчерашней яичницы. Наверное, все-таки космос, потому что кто станет рисовать шоколадный пудинг вперемешку с овощным рагу и огрызком заплесневелого сыра, завалившегося за банку с огурцами?

Лиза присмотрелась. Да, определенно космос.

На темном фоне мелькали неумело выписанные кометы, взрывались кривоватые звезды, сновали туда-сюда космические корабли, больше похожие на мексиканские тако. Целая серия холстов была посвящена портретам планет Солнечной системы. По Лизиному мнению, Сатурн в исполнении данного художника не особо отличался от говяжьей фрикадельки с луковыми кольцами.

И Луна, Луна на десятках картин. Неприветливая, угрожающая, совсем не красивая, совсем не напоминающая Селену. Пыльная, как Пуся после освежающего дневного сна под кроватью. Вся в рытвинах, как кухонный стол в Лизиной родной коммуналке.

Ангела наконец вытащили из шубы. Он с видом оскорбленной невинности побрел по коридору, держась за мандариновую стену.

— Ну, знаете, товарищ! — обернулась к нему Лиза, потрясенная художествами до глубины души. — Предупреждать надо!

— Преданная фанатка — и не в курсе, что ее кумир пишет потрясающие картины! — Ангел всплеснул руками, потерял равновесие и едва не шлепнулся на пол. — Ох, боженьки, ну и фанаты нынче пошли! Учить и учить их надо: как правильно любить и почитать своё

божество! О времена, о нравы! Небось с Ричардом такого никогда не случается, — прибавил он с обидой. — Все граждане империи, даже летние букашки-однодневки, даже Разумные Блюдца знают, что он страшно увлекается гонками на лопатах. Да он весь завален подарочными лопатами! Я однажды был у него в гостях на вечеринке. Золотые, карбоновые лопатки, рукоятки из сакуры, чехлы из скафандровой ткани, именные гравировки, на одной лопате даже автограф бывшего императора Николая Константиныча... Ух, как завидно! А на меня, бедняжку эдакую, всем плевать!

— Ну что вы, сударь, не стоит себя недооценивать, — дипломатично успокоил его граф. — Полагаю, вам будет приятно узнать, что наш шеф Филипп Петрович — большой поклонник вашего творчества. Ваша картина «Межпланетная битва межпланетников» занимает достойное место в нашем кабинете.

— Что?! Так этот негодяй Левинсон скинул моих «Межпланетников» вам? — возмутился Ангел. — А я-то думаю: куда это он дел мой подарок на его сорокапятилетний юбилей! Негодяй, какой негодяй... А ведь я столько лунной пыли извел на эту гениальнейшую зарисовку!

— Чего извели? — переспросил Макс. — «Лунной пыли»? Приехали. Это много объясняет. В том числе и полет резиновой курицы на квадрокоптере. Вы, сударь, наркотики для вдохновения принимаете? Как художники начала двадцатого века — опиум и абсент?

— Что? — Ангел с недоумением уставился на своего «телохранителя». — Какие наркотики? Наркотики — это новый смертный грех по версии «Заповедей 2.0». Читали последний номер журнала Православной церкви?

— Вы же упоминали «Лунную пыль», сильнодействующее наркотическое средство.

— Ах, это! Нет, мой милый друзьяшка, я имел в виду настоящую лунную пыль, непосредственно с поверхности проклятой и глупой Луны. Муза явилась мне именно там. Я начал писать картины, когда снимал это отвратительное шоу «Расчетный час: полночь». Под рукой — ни масляных красок, ни акварели... Я взял каску со стройки, смешал в ней лунную пыль, ракетное топливо...

— Ракетное топливо? — удивилась Аврора. — Энджи, ты что, это же просто крейзи. Смертельно опасное вещество. Хотел стать первым человеком, погибшим на Луне?

— Ах, нет-нет, это же было топливо нового поколения, на основе кислорода, тринитро... тринитрамид, кажется. Как видите, оно и правда безопасно, как говорят в рекламе! По крайней мере, я все еще жив... Хоть и несчастен. Так о чем я? Да, смешал лунную пыль, ракетное топливо, добавил свои губные блески для вязкости и парикмахерскую краску для цвета — у меня с собой всегда индивидуальный, полноценный косметический набор... И получилась вот такая прелесть!

Он описал рукой королевскую дугу, указывая на наиболее дикие свои творения.

— Товарищ кумир, а в спальне у вас тоже есть картины? — спросила Лиза притворно взволнованным голосом, активно подмигивая коллегам. — Может, проведете нам небольшую экскурсию?

— Что ж, друзьяшки, почему бы и нет — тем более, что Камиллу украли именно оттуда, — согласился Ангел и двинулся через гостиную к дальней двери.

— С вами, Ангел Иваныч, каши не сварить. Жду вас, жду. А вас всё нет и нет. Уж праздничная еда вся остыла. Я ее, Ангел Иваныч, выбросил.

Компания не успела добраться до входа в спальню, как из соседней двери, сливающейся

со стеной, показался грустный мужчина средних лет в белом колпаке и фартуке. Сутулые плечи, уныло опущенные уголки губ, разочарованная физиономия. В Лизиной реальности он смотрелся бы вполне гармонично, типичный сложившийся неудачник, немного похож на Игоря, только старше. Но здесь, в этом бодром и динамичном мире, депрессивный дядька казался чуждым элементом.

— Ох, Юха! — Ангел в очередной раз всплеснул руками. — Божечки мои! Дружочек мой ситный, а я же и забыл про тебя! Ну то есть совсем!

— Я так и понял, Ангел Иваныч, что вы опять про меня забыли. — «Ситный дружочек» протяжно вздохнул. — Снова весь многочасовой труд в печку.

— Ну зачем же в печку, милый ты мой? Экий ты резкий... Дамы и господа, познакомьтесь: мой личный повар Юха... Как твоя фамилия, дружочек? Всё время забываю.

— Юхани Мякинен, — нараспев сказал повар. — Выпускник французского Института Поля Бокюза, обладатель «Золотого шара нью-йоркских ресторанных критиков», лауреат конкурса «Завтрак в Милане — обед в Риме — ужин в Венеции», победитель соревнования «Лучший микрoкoндитер Великобритании»...

— Ну, друзьяшка моя, если ты тут будешь все свои звания перечислять, мы до утра не управимся. Гости и так поняли, что у короля телеэфира и экс-императора кто попало работать не будет! — напыжившись, сообщил Ангел. — Я к своей Самобранке не подпущу неумёх с улицы. Всё, милый поварёнок, топай домой, на сегодня ты свободен.

— Приготовил обед на двенадцать персон, изнервничался, исстрадался, встретил Новый год в чужой пустой квартире с горой никому не нужной еды, выбросил всё в печку и свободен, — бормотал повар себе под нос, снимая колпак и фартук.

— Ой, ну уж как жалеет-то себя! — строго сказал ему Ангел, вновь двинувшись к спальне. — Готовила-то всё Самобранка, а ты, мой милый, просто её обслуживал. Так что нечего тут хныкать, дружочек, премию всё равно не дам — денег нет. Ну забыл я про тебя, ну бывает, ерунда какая! Ты бы меня, бедняжку, лучше пожалел. Знаешь, почему новогодний ужин сорвался? Мы ведь с этими задаваками из Общества поощрения художеств уже собрались выдвигаться ко мне домой. И тут эти хамы трамвайные начали критиковать мои картины, да еще так язвительно — гадкие людишки эти художники... Ну я со всеми рассорился, бросился с горя в Баронский квартал, потом застрял в «Глобализации»... Вот трагедия, достойная пера Шекспира или ток-шоу Головастика! А ты всё о себе да о себе. Продукты закинуть в Скатерть — невелика работа!

— Продукты закинуть, — с горечью повторил Юха. — Я, Ангел Иваныч, создаю уникальные программы на основе авторских вкусовых комбинаций собственного сочинения. Вразумляю Самобранку, борюсь с бездарными разработками вазовских инженеров, самозванцев от кулинарии. А вы... Эх...

— Ага, товарищ повар, точно вы их припечатали, самозванцы и есть, — поддержала Лиза. — В хорошем кофе не разбираются ни на грамм. Слушайте, а где же ваше рабочее место? Где вы клепаете все эти ваши авторские разработки? У меня в квартире кухни вообще нет. За этой дверью у меня кладовка, да посреди гостиной такая же дурацкая Скатерть торчит, как памятник Владимиру Ильичу Ленину.

— Кому памятник, милочка моя? — переспросил Ангел. — Кто такая Лена? И что за Владимир Ильич? Её бойфренд? Обожаю сплетни! А почему она поставила ему памятник? Чем это он так ей сумел угодить? Я тоже хочу памятник! Почему у него есть, а меня нет? У него что, прическа красивее?

Он бросился к большому зеркалу в витиеватой золоченой раме и, весь озабоченный, принялся взбивать свой осевший кок.

Аврора с трудом оторвала его от зеркала, приговаривая: «Успокойся, Энджи, ну же! Ты в школе историю Швейцарии изучал? Не знаешь, кто такой Ленин?»

— Мое рабочее место, сударыня, в кладовке, — с печальной покорностью доложил повар, надевая слишком легкую для этого времени года куртку. — Ангел Иваныч великодушно поставил мне там стол для записей. Светлого вечера, дамы и господа. А я пойду изобретать никому не нужные деликатесы, которые закончат свой путь в раскаленной топке... Когда прикажете явиться на работу, Ангел Иваныч?

— Что? Ох, мой милый, даже не знаю, про еду сейчас думать не могу... Ну приходи часиков в семь, соорудишь мне завтрак. Может, я уже проснусь к этому времени. Может, и нет, так что будь как мышка. Во сне меня посещает муза, не спугни ее своими сапожищами.

— Слушаюсь, Ангел Иваныч.

Повар, понурившись, вышел из квартиры.

Ангел распахнул дверь в спальню.

— Уи-и!

К нему в ноги стремительно кинулась плюшевая игрушка. Живая. Игрушечная собачка цвета лагте прыгала вокруг Ангела, скулила от счастья и всячески просилась к нему на ручки.

— Это что... Это кто... Это опять голограмма, что ли? Или радиоуправляемая игрушка? Типа тележки, только в виде пёсика? — с недоумением спросила Лиза. — Что происходит?

— Это кныш, Лиззи, — снисходительно пояснила Аврора. — Настоящая собака. Реальная, не голографическая и не радиоуправляемая. Тоже мне ветеринар!

— Домашний питомец дополняет мой модный образ, — заявил Ангел, поднимая приставучего чудо-пёсика на ручки. — Даже не знаю, друзьяшки, какой аксессуар важнее: мой ремень со стразами или эта вот милаха. Журнал «Имперские амбиции» назвал кныша самой трендовой породой собак наступающего года. Вы же понимаете, что я после этого был просто обязан его купить!

«Важный аксессуар» тем временем старательно вылизывал уставшее лицо хозяина, работая своим крошечным язычком с невообразимой скоростью.

— Как? Кныш? — уточнила Лиза. — Разве это не пирожок такой? С творогом. Если я не ошибаюсь.

— Про пирожки ты никогда не ошибаешься, бейби, — вздохнула Аврора.

— Кныши тоже в пирожках бо-ольшие специалисты! — сообщил Ангел, сунув восторженного питомца под мышку. — Только и разнохивают, где бы что стащить вкусного. Поэтому я Принца Чарльза в спальне запираю, когда мой поваренок приходит. А то были случаи, были! Да, Чарли? Кто у Юхи круассаны с трюфелями и спаржей стянул? Кто? Кто плохой мальчик? А кто тарт с хамоном и ананасами слопал, когда Юха отвернулся? А? Ну-ка признавайся, милашечка моя!

Принц Чарльз, похожий более всего на пушистую карликовую таксу (хотя проглядывали в нем черты и померанского шпица, и вельш-корги), весело повизгивал у Ангела под мышкой, радуясь интересной беседе с хозяином. Толстенские коротенькие лапки смешно болтались в воздухе.

— Резиновая курица Камилла принадлежала вашему Чарли, сударь? — поинтересовался Макс, заходя в спальню вслед за Ангелом. Видимо, он все-таки пытался вести расследование

дурацкого похищения, несмотря ни на что.

— Да! Да, конечно же! — Ангел охотно пустился в объяснения. — Дело было вот как... Не толпитесь в дверях, друзьяшки, все сюда! Сейчас я поведаю вам историю, после которой вас будут преследовать кошмарики на квадраках.

— Энджи, ложись лучше спать, — предложила Аврора. — Слип тайм.

— Сперва история! — заупрямился Ангел, так что Ищейкам волей-неволей пришлось пройти в его спальню и расположиться там с разной степенью удобства.

Спальни во всех квартирах тоже были одинаковыми, однако Ангел привнёс сюда изюминку: стеклянную витрину с винтажными (а по Лизиному мнению, попросту старыми) джинсами.

Лиза с графом пристроились на кушетке. Аврора плюхнулась с ногами на большую кровать, скинув на пол кучу желтеньких подушечек. Макс принялся бродить туда-сюда по комнате. Ангел, размахивая радостным Принцем Чарльзем, как сумочкой, никак не мог добраться до сути дела и беззастенчиво тратил свое и чужое время, разглагольствуя о великом смысле картин, украшавших стены спальни.

Ну, пожалуй, «украшавших» — слишком сильное слово. Так же как и слово «картины». Если бы кто-то спросил Лизино мнение, она выразила бы его кратко: мазня мазнёй. У Пуськи и то получилось бы лучше, если бы он случайно вляпался в краску и повалился на холсте.

Из рассуждений Ангела выходило, что на самой большой картине он пытался изобразить себя в образе светила и своё позитивное влияние на жалкое существование зрителей-глупышей. Однако вместо «солнца русской телеиндустрии» вышли какие-то ярко-рыжие разводы с глазками и небрежно наляпанными стразами. На картине также имелся неубедительный подсолнух, символизировавший аудиторию Ангела. Цветок смотрел в противоположную от «светила» сторону и явно намеревался удрать отсюда как можно раньше.

Остальные живописные работы представляли собой вариации на тему «Господин Головастик — центр телевизионной Галактики». Там тоже было много блесток, разлапистых солнц и сереньких безжизненных планеток, на некоторых из которых было маркером подписано «Ричард Кинг — дурак».

Лиза перевела взгляд. В изголовье кровати висело несколько фотографических портретов Ангела — в шапке Мономаха и роскошной царской мантии.

— Так это не шутка? Он и правда был императором? — шепотом спросила Лиза у графа.

— Совсем ненадолго, но да, господин Головастик однажды стал официальным государем... Случайно, конечно. Нелепость, крошечная лазейка в законе, — пояснил граф. — Однако потом к правлению вернулась Екатерина Николаевна. Парадокс: механизмы демократии помогли Романовым восстановиться в своих монархических правах...

— Эй, друзяшки на галёрке! — возмущенно окликнул их Ангел, выпуская кныша из рук. — Не вижу, чтобы вы меня слушали!

— А мы что? Мы ничего! — тут же стала оправдываться Лиза, как двоечница на уроке.

— Сударь, предлагаю перейти к рассказу о похищении, — сказал Макс. Он разворошил подушки, валявшиеся на полу, и заглянул под кровать. — Где находилась курица в момент совершения преступления?

— Вот прямо тут и находилась. — Ангел указал на симпатичный собачий матрасик из красного бархата — напротив кровати, под стандартной световой панелью. Кныш уже успел забраться на свою королевскую лежанку и теперь возился там, устраиваясь поуютнее. — Милая Камилла! Чарли не может без нее заснуть, бедняжка. Вы поглядите, как он измучен!

Все посмотрели на кныша. Он закрыл глаза и безмятежно задремал.

— Да, мы оба измучены, измучены этим жестоким миром... Так о чем я? Ах да, Камилла. Наша курочка лежала себе на матрасике, никому не мешала, никого не трогала, такая милая, резиновая и беззащитная... И вдруг в открытое окно влетает зелёный почтовый дрон, накидывает на нее сетку и уносится прочь вместе со своей добычей! Я закричал, закричал на весь дом, Чарли залаял, но что толку!

Макс по очереди выдвинул ящики прикроватной тумбочки, Лиза тоже не удержалась, поглядела: беспорядочно сваленные конвертики из рисовой бумаги с приглашениями на вечеринки; вскрытая упаковка с сушками; нательный крестик на холщовой бечевке; крупный синий камень, подозрительно похожий на сапфир из Шапки Мономаха на фото; пузырек с таблетками; "Утолитель жажды" в пластинках; золотое зеркальце с вензелем Дома Романовых; зарядка для Перстня; крем для рук «Лапа Джима на счастье» и прочая дребедень.

Макс разочарованно вздохнул и задвинул ящики обратно.

— Сударь, на дворе зима, — сказал он. — Зачем вы вообще открывали окно?

— Так я каждое утро открываю, мой милый, на полчаса. Мне после пробуждения необходим свежий воздух. В «Имперских амбициях» писали, что Клеопатра так сохранила молодость и красоту. А я что, хуже какой-то Клеопатры? Мне морщины не нужны, и не предлагайте!

— Ну, вы же всё-таки не в Египте. Сомнительная какая-то история.

— Это правда, Макс, — лениво подтвердила Аврора, играясь со своим Перстнем. — Я подключилась к его «Домовому». В программе заложено полное открытие окна в спальне в шесть ноль ноль. Круглогодично. Закрытие в шесть тридцать.

— Эй, милочка, кто тебе разрешил подключаться к моему «Домовому»? — с запоздалым возмущением воскликнул Ангел.

— Энджи, ты серьезно? Дата твоей коронации — пароль от всех твоих устройств? — хмыкнула Аврора, не обращая внимания на попискивания Головастика. — И от твоего Перстня, и от твоей Скатерти? — Она присвистнула. — Блин еловый! Сколько изменений в заводских настройках Самобранки! Твой повар — реально мастер кулинарии, как я погляжу. Даже раздел «Собачье меню» сумел внедрить в систему. Вау.

— Сударь, где находились вы сами во время похищения? — строго спросил Макс, со всех сторон прошупывая собачью лежанку. Кньша, возлежащего на матрасике наподобие вишенки на торте, вся эта возня не волновала. Плюшевый пёсик имел стальные нервы.

— Ой, боженьки, вот сразу видно — простой жандарм, и образ жизни ведет простой и жандармный. — Ангел картинно закатил глаза к потолку. — Милый мой! Когда публичная личность просыпается, она куда первым делом бежит? Правильно, к любимке своей!

Он подошел к громадному напольному зеркалу в дальнем углу комнаты. У Лизы в спальне было такое же, и оно ее жутко раздражало: было оно какое-то мутное, будто залитое еловым пивом под завязку; да еще эта пошлая золоченая рама. Она поначалу думала отколупать один золотой завиток, чтобы потом его выгодно продать в своей реальности (вот дураки! драгметаллы без присмотра оставляют!), однако затея не удалась — завиток никак не поддавался. В конце концов Лиза утешилась мыслью, что это просто крашенная золотой краской железяка.

Ангел вытянулся перед уродливой мебелиной во весь рост. В глубине тумана что-то тоненько пискнуло и поверхность резко прояснилось. Вот теперь это действительно было похоже на зеркало: ясное и четкое. Рама засветилась, телеведущий озарился приятным,

удачно падающим светом, который сразу стер с лица Ангела лет эдак пять-семь. Помятая физиономия Головастика стала больше похожа на монархический фотопортрет над кроватью.

Однако Зеркало, кажется, осталось недовольно увиденным. На зеркальной поверхности, оказавшейся на поверку сложным экраном, тут же стали появляться сияющие советы: какие пилинги и увлажняющие маски для лица рекомендованы хозяину, на какую сторону ему сегодня лучше уложить волосы и что вообще отечественная косметическая индустрия может порекомендовать в его конкретном случае.

— А мое почему так не умеет? — с претензией сказала Лиза. Она с завистью наблюдала за тем, как Ангел заново начесывает себе кок, следуя указаниям интерактивной стрелки на поверхности Зеркала. — Сломанное, что ли, подсунули? Я так и знала!

— Во имя Господа Бота, Лиззи! Ты своё Зеркало активировала, признайся?

— А как? — с необыкновенно глупым видом спросила Лиза.

— Перстнем, бейби, Разумником своим! Конечно же, Перстнем!

— Ну... да, — немедленно соврала Лиза. — Активировала. Я же не полная дуручка.

— Что-то не верится, — скептически отозвалась Аврора. — Ты — и догадалась, как включить бытовую технику? Готова поставить на кон свой лэптоп, что это не так.

— Сударыня, не стоит сомневаться в искренности нашей уважаемой Елизаветы Андреевны, — вмешался граф. — Вы обижаете коллегу своим недоверием. Я, например, совершенно не исключаю, что в квартире Елизаветы Андреевны и вправду установлено неисправное Зеркало.

— Вот именно! — возмущенно поддакнула Лиза, радуясь, что наивный граф приподнял ее имидж в глазах общественности.

— Окей, френды. — Аврора была преисполнена скепсиса. — У нас есть три подозреваемых в мутности Разумного Зеркала. Инженер ВА3За. Управляющий нашим Мандариновым домом, не заметивший поломки. И Лиззи, которая до сих пор не в курсе, что в ее квартире есть центральный пылесос, способный за несколько секунд убрать всю кошачью шерсть с пола. Так за кого голосуем?

Граф отвел глаза и сменил тему разговора:

— Сударь, чем именно вы занимались в момент похищения? — обратился он требовательным тоном к Ангелу.

— Тем же самым, мой милый, тем же самым, чем и сейчас, — невнимательно ответил Головастик, поправляя непослушную прядь волос, постоянно падающую на лоб. — Марафеты наводил. У меня есть определенный утренний моцион, которому я обязан следовать — это мой долг перед Красотой!

— Где был господин Принц Чарльз?

— Рядом со мной — я решил испытать на нем одну особо дерзкую укладку. Чтобы потом повторить ее на себе. Вечером мне должны были вручить премию «Самый ухоженный и харизматичный житель Южного округа Чёрной Речки». Событие ответственное, друзьяшки! Я должен был сперва потренироваться на кныше. Тем более, этот плюшевый баловень обожает, когда я его расчесываю.

— Итак, давайте восстановим картину произошедшего. — Макс мужественно пытался вести глупейшее расследование. — Вы спали в кровати, кныш в своей лежанке. Так?

— Так.

— В квартире еще кто-нибудь был?

— Нет, Юха приходит позже — завтракать я люблю в начале восьмого, когда организм полностью пробудится и чакры раскроются навстречу наступающему дню!

— Отлично, — невозмутимо согласился Макс. — Чакры так чакры. Пускай раскрываются, сколько душе угодно, полиция против этого не возражает. Итак, в шесть ноль ноль автоматически раскрылось окно. Верно?

— Верно.

— Вот так? — Он распахнул стеклопакет. С улицы повеяло свежим зимним воздухом.

— Именно, — подтвердил Ангел, мельком взглянув на окно. Он был слишком увлечен замазыванием темных кругов под глазами при помощи корректирующего крема с игривым названием «Очи-звезды».

— Отлично. После того, как окно открылось, вы встали с кровати...

— Несмотря на дикий холод! — с гордостью отметил Ангел, принимаясь похлопывать себя по брылям для поддержания тонуса лица.

— ...несмотря на дикий холод, вы смело, как истинный воин и мужчина, встали с кровати, подошли к Зеркалу и принялись дерзко укладывать себе волосы. Так?

— Не совсем. Сперва я позвал к себе Принца Чарльза и начал укладывать шерстку ему. Вот тут-то и влетел этот посланец ада, зеленый, как флаг Швейцарии, квадро...

На улице послышался ровный нарастающий шум. Тяжелое шмелиное жужжание приближалось.

Мигая красными сигнальными огнями, в окно влетел здоровенный дрон размером с журнальный стол. Зеленый, как флаг Швейцарии. С золотым двуглавым орлом на борту и надписью «Почтовая служба Российской империи». Спальня заполнилась гулом и вибрациями. Прическа у Ангела разлохматилась, как щетина у престарелой зубной щетки. Лопасты громадных винтов мелькали, как самурайские мечи.

— ...коптер, — потрясенно закончил фразу Ангел. — Да, вот именно такой. Как вы этого сделали, дружок?!

— Что? Я ничего не делал, — так же потрясенно отозвался Макс.

— А кто же...

В считанные мгновения дрон завис над собачьей лежанкой, выпустил блестящую сеть с грузиками и накрыл ей кныша, как одеяльцем. Затем — щёлк — грузики магнитами притянулись друг к другу — Чарльз оказался в ловушке — решил спросонья, что его переложили в удобнейший гамак — умиротворенно облизнулся и стал дрыхнуть дальше — дрон резко поднялся вверх вместе с кнышем в авоське — унесся в зимнее небо.

В комнате стало очень тихо.

Потом все заговорили одновременно.

Ангел: «Ой, боженьки! Ой, боженьки! Ой, боженьки!»

Макс: «Зачем Почтовой службе сдались резиновые курицы и собаки?»

Аврора: «Я знала! Я так и знала, что система у них сглючит, рано или поздно, и они начнут не приносить, а уносить объекты. Кто вообще сейчас пользуется наземными серверами? Все нормальные компании давно перенесли хранение данных под землю, в метро. Вот убогие! Репки в кепках...»

Лиза: «Дежа вю! Моего Пусю ведь тоже чуть не унес дурацкий квадрокоптер! У вас тут что это, норма жизни? Почему дроны до сих не запретили?»

Граф: «Высшая степень бесцеремонности! Высшая! На глазах у жандарма и трех спецагентов — пусть не Третьего отделения, но всё же... Такой беспардонности, такого нахальства...»

Телевизор на стене (неожиданно включается): «Светлого дня и светлого года, империя! В эфире утренний блок светских новостей и я, его ведущая Тинг Линь. Главная новость на сегодня: группу посетителей ресторана «Нализаться до глобализации» удалили из списков клиентов из-за грубого нарушения правил заведения. Несколько гостей «Глобализации», в числе которых был замечен известный в прошлом телеведущий Ангел Головастиков, нарушили индивидуальные рекомендации системы, разработанные в соответствии со структурой ДНК, и употребляли на территории ресторана блюда из масс-кафе «Омела». Отныне вход в «Глобализацию» для этих посетителей заблокирован...»

Макс со злостью треснул кулаком по единственной крошечной кнопке телевизора. Тот вякнул что-то напоследок и потух.

— Ойбоженьки-ойбоженьки-ойбоженьки... — Причитания Ангела слились в один отчаянный стон. — Сначала кныш, а теперь еще и «Глобализация»! Поверить не могу, что меня больше туда не пустят! Да еще эта противная Пинг-Понг вещает об этом на всю страну! За что, боженьки, за что? Ну почему у меня, страдальца, судьба-то такая тяжкая, прямо как у бурлака на Волге?

— Сильно сомневаюсь, что бурлаков отчисляли из крутых ресторанов, — сказала Аврора.

— Тем более! Счастливы! Значит, мне еще тяжелее, чем им! — Ангел бросился лицом вниз на кровать.

— Камон, Энджи. — Аврора по-сестрински погладила непутевого соседку по взъерошенной голове. — Не парься из-за всякого треша. Эта Тинг всё выдумала. Никого из «Глобализации» не отчислили. Нам прислали бы извещение...

Дзынь! У всех одновременно сверкнули Перстни.

— Эээ, а вот и оно, — сообщила Аврора, постучав по Перстню. — Мой аккаунт в «Глобалке» заблокирован. Ваши тоже. Гейм овер. Всё из-за вас, лузеров. Бабкины пироги вам милее прогрессивных индивидуальных блюд.

— Что же мне, бедняжке, делать-то? — с новой силой возопил Ангел, перевернувшись на спину. — Как пробраться в элитную «Глобализацию»?

— Гораздо важнее, сударь, что нам теперь делать для спасения вашего питомца, — сухо

сказал граф. — Максим, я официально забираю у вас дело. Теперь это забота Седьмого отделения. И я найду этих бессовестных негодяев! Я не сдамся! Только не на этот раз!

Граф Александр буквально горел негодованием. Его двойник, поэт Одоевский, так же воинственно задирает благородный подбородок, гарцуя перед строем верных гвардейцев на Сенатской площади сумрачным утром холодного декабрьского дня 1825-го года.

— Граф, я не могу отдать вам дело! — Макс, обычно такой веселый и спокойный, даже покраснел от досады. — Поймите, я должен довести его до конца сам, своими руками. Ведь я был совсем рядом с дроном — и не сделал ничего, чтобы его остановить! Просто тупо стоял рядом, как наивная дебютантка на своём первом балу, и смотрел, как кныша тащат в неизвестность. Проклятье! И ведь я сам открыл окно, сам впустил его в спальню!

— Сударь, извольте подчиниться приказу вышестоящего должностного лица. Я забираю дело! Из искры разгорелось пламя. — Голос графа звенел, в комнате сгущалось напряжение. Даже Ангел, валяющийся на кровати, как разваренная сосиска, перестал причитать и нашел в себе силы приподняться на локтях. — К мечам рванулись наши руки. Преступный квадрокоптер будет найден. Вместе с резиновой курицей Камиллой и кнышем Принцем Чарльзом. Даю слово дворянина!

— Что ж, граф, у нас с вами общая цель. Я согласен, командуете вы. Революции не будет. — Макс пожал плечами. — Но приказывайте же тогда скорее, что делать! Порвём этих мерзавцев, как кныш — круассан с трюфелями и спаржей.

— Да, сударь, вы правы, пора переходить к немедленным действиям, — кивнул граф. — Очевидно, что курицу украли по ошибке. Расчёт был на то, что в это время на лежанке находится кныш. Со второй попытки расчёт себя оправдал. Итак. Господин унтер-офицер, приступайте к обыску квартиры господина Головастикова. Нам нужны любые улики.

— Спальню я уже изучил, когда курицу искал. — Макс направился к двери. — Ничего примечательного. Пойду всё остальное осмотрю. Есть у меня кой-какие мыслишки...

— Хорошо. Господин Головастиков, какой номер чипа у вашего питомца?

— А? Номер чипа? — растерялся Ангел. — Ну, если честно, этот чип полгода назад сломался, недосуг было чинить. Вы же понимаете, друзьяшки мои, насколько я занятой человек!

— Печально, господин Головастиков, весьма печально, — сурово отозвался граф. — Вы нам значительно усложнили расследование своей безответственностью. Так, теперь Елизавета Андреевна. Сейчас три часа ночи. Будьте любезны отправиться в свою квартиру и как следует там выспаться. Мы можем наткнуться на следы кныша в любой момент. Нам нужен будет ветеринар, полный сил, а не падающий от усталости.

— Но только-только что-то интересное началось! — запротестовала Лиза. — Не хочу я спать! Это скучно! А Пуську Скатерть всё равно накормит. Ну граф, бросьте, можно мне остаться?

Однако граф был непреклонен:

— Прошу следовать приказу, сударыня. На время отсутствия Филиппа Петровича я имею честь исполнять обязанности шефа Отделения.

— Пфф, ну ладно, ладусики. Важные все какие.

Лиза надулась. Неохотно, нога за ногу, поплелась к выходу из спальни. В гостиной работал Макс — он погряз в тысячах подушечек, каждую из которых нужно было прохлопать и прощупать. Лиза поймала его взгляд. Она прижала палец к губам и тихонько устроилась на одной из подушек, валяющейся возле двери в спальню. Макс усмехнулся, но ничего не

сказал, продолжил борьбу с избыточными аксессуарами.

Щелочка была маленькой, но перед Лизой открывался прекрасный обзор: вся спальня как на ладони, в том числе благородный затылок графа и мягкий воротник его белой блузы, Аврора, круглая, яркая и лохматая, устроившаяся со своим ноутбуком на кровати, рядом Ангел, хнычущий что-то вроде: «На кого ты меня, Чарлик, покинул, на ком же я теперь буду тренировать укладки, кто меня теперь будет лизать в нос перед сном». Всё это было до жути увлекательно.

Ха-ха, нашли дурочку. Еще чего, спать в самый разгар событий.

И потом, она действительно переживала за кныша. Такие чудные плюшевые собачки должны мирно спать в своих миленьких мягких кроватках, а не летать по новогоднему небу в дурацких авоськах!

— Аврора, теперь вы, — говорил тем временем граф. — Прежде всего, отправьте запрос в Почтовую службу — не их ли это квадрокоптер. Наверяд ли, но всё же.

— Уже, граф, уже. — Аврора с разочарованным видом отлипла от своего ноутбука. — Пока вы тут с Максом пушили павлиньи хвосты и мерились амбициями, я кинула почтовикам запрос. Уже получила ответ от дежурного координатора. Все ведомственные квадрики у них под контролем, сбоев по маршрутам нет.

— А вы не спрашивали про...

— Спрашивала, — опередила его Аврора. — Спрашивала про пропавшие, есессьно. Они у них чуть ли не каждую неделю пропадают. Некоторые дроны сами глючат, но чаще всего их крадут, разбирают на запчасти. Впрочем, лузеры, которые их похищают, не подозревают, что в корпусе каждого почтового квадрика запрятан секретный чип. Типа сигнального маячка. Так что до сих пор всех потеряшек удавалось найти...

— Неутешительная информация, сударыня.

— Я не договорила. Всех, кроме одного.

Она вывела над ноутбуком двумерную светящуюся картинку, на которой сияло уменьшенное изображение уже знакомого злодейского дрона.

— Модель «Аист грузовой 2017». Старьё! Ну, ничего другого я от лузеров из Почтовой службы не ожидала. Отсталая техника, наземные серверы... Ламеры. Окей. Порядковый номер этого «Аиста» — SPB70995. Он пропал полгода назад, в июле девятнадцатого. Они там все с ног сбились, пытаюсь его разыскать. Полиция тоже копошилась, но что они могут, неандертальцы!

— В Девятьсот Девятое обращались?

— Еще бы. Но Великое и Могучее отделение слишком велико и могуче для расследования подобной ерунды. Не взяли дело, снобы айтишные.

— Обстоятельства пропажи «Аиста»?

Аврора защелкала клавишами и переключила фотку квадрика на карту города.

— Мне дежурный прислал полное досье. Последняя зафиксированная точка — башня «Всемогущего». Доставка сомбреро из Мексики ассистенту креативного директора телеканала. Тут всё чисто, сомбреро благополучно доставлено. Висит на стене в рабочем кабинете креативного директора. На обратном пути «Аист» должен был разнести частным лицам несколько писем, но не долетел. Пропал где-то по дороге. С претензиями в компанию обратились все последующие адресаты. Почта выплатила им приличную компенсацию. Энд оф стори.

— Погодите-ка минуту, друзьяшки! — Ангел медленно поднялся с кровати. —

Погодите-ка минуточку, милые мои! Доставка креативному директору? Гаврюшка Левинсон фигурирует в этой истории? Всё! Я раскрыл дело. Аплодируйте своему лучшему другу, дорогушки-глупыши. Сложите два и два: сперва он дьявольски на меня смотрит. Крадет тем самым мое чувство собственного достоинства. Потом крадет дрон. Потом крадет Камиллу. И, наконец, крадет кныша. Я был прав с самого начала! Ну, где ваши ладошки?

— Совпадений в деле много, в этом вы правы, сударь, — заметил граф. — Однако какие у господина Левинсона могут быть мотивы? Зачем ему плести такие изощренные преступные схемы против вас?

— А он меня ненавидит с тех самых пор, как я поднял рейтинг «Елея» до небес! — довольным тоном сообщил Ангел.

— Вы имеете в виду тот маленький православный канал? — уточнил граф. — Это когда вы, сударь, в прямом эфире стали коронованным императором Всея Руси?

— Именно. Гаврюшка тогда себе локти кусал, что он меня выгнал со «Всемогущего», а я раз — и на «Елей»! Раз — и на трон!

Ангел царственным жестом поправил воротник своего блестящего пиджака.

— Зачем же он взял вас обратно на «Всемогущий» после вашей, эээ, отставки?

— Мой милый граф! Рейтинг для Левинсона — всё! «Елей» же от меня отрекся после моего отречения от престола. Ну а Гаврюшка сразу расчихал, что мало какой телеканал сможет похвастаться бывшим императором в штатном расписании. Взял на какие-то гадкие, противные программки! На Луну послал! Платит копейки. Не могу поддерживать тот уровень жизни, к которому я привык! Диван у меня разорвался, а на штопку денег нет. А Левинсону всё равно. Мстит мне, как может! Дьявольски смотрит на меня, крадет моих питомцев! Ух, ненавижу!

— А кстати, граф, — задумчиво сказала Аврора. — Энджи не такой уж и бред несет. Ведь Левинсон однажды попался на нарушении закона. Помните «Воздушный замок»? Он меня из шоу выгнал, но суть не в этом. Левинсон своими руками украл новорожденного единорога, чтобы взвинтить рейтинг «Всемогущего». А тут — пропадает кныш. И от Почтовой службы мы снова слышим про Левинсона. Блин еловый! Слишком много совпадений.

— Но квадрокоптер от него благополучно улетел, — сказал граф.

— А он конторский дрон перекрасил под почтовый! — предположил Ангел. — Вы хоть знаете, сколько на балансе «Всемогущего» квадриков? Да еще и покруче почтовых!

— «Аистов» — тридцать семь, — подтвердила Аврора. — По крайней мере, так написано у них на сайте. И базу взламывать не пришлось. Даже скучно как-то.

— Итак, дамы и господа, подведем итог. Мотив у господина Левинсона имеется. Техническая возможность — тоже. К тому же ранее он был осужден по той же статье Уголовного уложения. Полагаю... Нет, я вполне уверен: у нас есть первый подозреваемый. — Граф взволнованно мерил шагами комнату. — Я нечасто это делаю, и в последний раз занимался этим в Третьем отделении... Но, по-моему, сейчас этого не избежать. Дамы и господа, у нас есть убедительные основания совершить принудительный звонок третьего уровня.

— А почему третьего уровня? Я хочу первого! Ну на крайний случай — второго! — раскапризничался Ангел. — Пусть Гаврюшка напугается, как червячок в невесомости! Своим жалким третьим уровнем вы ему обмен веществ не нарушите.

— Простите, сударь, первый уровень — это обращение государыни к народу, второй

уровень — сообщения о чрезвычайных происшествиях глобального характера, а представители правоохранительных служб имеют право на третий уровень... Но лишь в исключительных случаях. То есть если полицейский или агент сумеет доказать в суде, что в этом была необходимость. Являются ли жизнь и здоровье маленького сонного кныша достаточным основанием для принудительного звонка? Я бы не имел права носить гордое звание гражданина Российской империи, если бы ответил на этот вопрос «нет».

— Граф, ну и здоровы вы языком молотъ, — прервала его Аврора. — Нет в вас и капли бунтарства. Кондратий Ёрш, глава «Владычицы морской» — вот у кого вы должны поучиться! Он умеет думать по-другому. Think different, граф, не ведите себя как лузер. Звоните уже Левинсону, во имя Господа Бота!

Лизе не было видно лица фон Миниха, но, судя по его резкому тону, он слегка обиделся на Аврору:

— Сударыня, я полагаю, вы уже отслеживаете «Аиста»-похитителя при помощи городских камер видеонаблюдения? Составляете маршрут? Камеры есть на каждом доме, и они объединены в сеть, насколько мне известно.

— А? — растерялась Аврора. — Так к этой системе есть доступ только у парней из Девять-Ноль-Девять.

— Так вот, сударыня, вместо того, чтобы фантазировать на тему революционного мышления господина Ерша, будьте любезны отправить в Девятьсот Девятое отделение официальное письмо с просьбой предоставить нам информацию о передвижениях квадрокоптера, модель такая-то, вылетевшего первого января сего года примерно в два часа сорок пять минут из окна тридцать третьего этажа доходного дома, адрес такой-то... Ну, остальное вы и сами сообразите. Приступайте, Аврора Валерьевна.

Аврора скорчила графу рожицу, но всё же принялась щелкать клавишами лэптопа.

Граф же постучал по экрану своего Перстня в хитром ритме, который Лиза не сумела бы повторить, даже если бы к виску ей приставили охотничье ружье Игоря, — и из Разумника поднялась картинка видеосвязи.

Поскольку дяденька на том конце «провода» не ждал звонка, сперва перед графом мелькали какие-то сумбурные изображения со странного ракурса: потолок, изящная ручка фарфоровой чашки с молнией «Всемогущего», мексиканское сомбреро на стене. Потом в кадре появилось лицо, очевидно, принадлежащее искомому Левинсону. Лицо было немного грубоватым, но весьма харизматичным, даже выдающийся нос его не портил. Увидев пронзительные черные глаза креативного директора, Лиза поняла, почему Ангел без конца твердил про «дьявольский взгляд». О нет, это вовсе не было преувеличением, типичным для впечатлительного Головастика.

Впрочем, сейчас взгляд Левинсона не столько прожигал, сколько выражал живой интерес к происходящему.

— Чем обязан, господин... если не ошибаюсь... фон Миних?

— Эээ, да. Но откуда...

— Знать всех, кто больше одного раза появлялся на российских экранах, моя работа. А вы, Ваше Сиятельство, на «Всемогущем» весьма популярны. Если хотите знать, даже моя ассистентка от вас без ума. Дайте-ка мне припомнить... Вот что приходит в голову: вас показывали в новостях в связи с покупкой самого дорогостоящего в мире орловского рысака по кличке Снежок... Еще вы были единственным студентом Императорского Санкт-Петербургского университета, получившим дипломы двух факультетов одновременно, причем оба первой степени... Потом ваша бывшая невеста возбудила против вас дело о незаконном расторжении помолвки, которое вы, впрочем, выиграли — и, кажется, отказались от компенсации... Что еще? Неприлично большой благотворительный взнос в Фонд помощи швейцарским беженцам. Учреждение Общества «Громокипящий кубок», объединившего поклонников поэзии символистов. Подписание петиции против подачи блюд из мяса в «Омеле». Ах да, совсем недавно вы были на крыше Храма Святого Котца, а спустя пару недель спасли Горыныча. А вы говорите — откуда я вас знаю.

Лиза во время этой речи не удержалась, несколько раз пискнула, особенно когда услышала про бывшую невесту графа и его петицию против мяса, но, к счастью, кроме Макса ее никто не услышал — Левинсон умел замыкать на себя сто процентов внимания собеседников.

— Кхм... Да... — Голос графа звучал совершенно растерянно. — Я должен задать вам несколько вопросов, сударь...

— Не вопрос, Ваше Сиятельство, задавайте свои вопросы — ничего себе каламбурчик, а? Особенно для трех часов новогодней ночи. Но если позволите, сперва я кое о чем вас спрошу. Можете повернуть свой Перстень немного правее? Мне кажется, я разглядел знакомую фиолетовую прядь — и еще более знакомые стразы... Благодарствую. Ага, я, как всегда прав. Креативный директор «Всемогущего» не имеет права ошибаться. Так-так-так, Аврора Успенская из моего «Воздушного замка» и Ангелок, мой лучший дружок. Светлого года вам, деточки! Ну, как дела-делишки?

Аврора, не отрываясь от компьютера, буркнула что-то в ответ, а Ангел аж подскочил на кровати:

— Он еще спрашивает, как дела! Сначала стащил моего кныша, а теперь спрашивает, злодейский человек!

— Какого кныша? — удивился Левинсон, прихлебывая темный напиток из фирменной чашки. — Ты про свою муфту на ножках?

— Не муфту, а Принца Чарльза! И резиновую курицу украл! Украл-украл-украл! — голосил Ангел.

Наконец и графу удалось вставить заготовленную реплику:

— Господин Левинсон, я бы хотел задать вам несколько вопросов касательно пропажи собаки господина Головастика. Кныша унес квадрокоптер, прямо на наших глазах. Дрон ворвался в спальню, где мы с коллегами сейчас находимся, поймал Принца Чарльза в сеть и скрылся вместе с ним в неизвестном направлении...

— Вау, вот это сюжет! — обрадовался неизвестно чему Левинсон. — Просто гуси-лебеди двадцать первого века. Так-так, мне уже нравится, продолжайте, Ваше Сиятельство.

— Продолжать будете вы, господин Левинсон, — довольно сурово отвечивал граф. — Где вы были и чем занимались последние два часа?

— А, так это допрос! — сообразил наконец креативный директор. — А я всё думаю — зачем вы мне звоните ни с того ни с сего, начал уже местечко для вас подбирать в штате телеканала. Что ж, если вас так интересуется моя свеженькая биография, извольте: начиная с десяти вечера я сидел здесь, в моём кабинете, следил за эфиром «Всемогущего», пил кофе... Что еще? Заказал из пассажа Второва молоко, у меня кончилось, а я люблю латте... Кажется, всё. Скучновато, да? А все говорят: какая у тебя, Гавриил, профессия интересная! Вот тебе и интересная. Молоко в новогоднюю ночь заказывать из пассажа Второва. А напиваться нельзя, ни в коем случае. Вдруг что с эфиром?

— Кто может подтвердить ваши слова, сударь?

Картинка снова задергалась, в кадре замелькали сомбреро, какие-то балалайки, соломенные куколки, ковбойское лассо, кожаные (подозрительно похожие на настоящие) кресла, сменившиеся красивым и дерзким женским лицом. Молодая женщина в ярко-красном жакете, с короткой темной стрижкой и алой помадой показалась Лизе смутно знакомой. Тонкие пальцы подруги Левинсона сжимали сигарету. О, святой никотин! — всхлипнула Лиза про себя.

— Думаю, свидетельство премьер-министра вас устроит? — насмешливо спросил Левинсон из-за кадра.

Мелисса Майер, дошло до Лизы. Глава правительства Российской империи. Они же с Пусей сто раз видели ее по телику. Пусе нравилось цоканье ее шпилек по брусчатым столичным набережным.

— Светлой ночи, госпожа премьер-министр, — церемонно поклонился граф. — Простите за беспокойство. Вы готовы подтвердить алиби господина Левинсона?

— Обычно Габриэлю не стоит верить, — усмехнулась Мелисса с едва заметным немецким акцентом. — Но только не в этом случае. Я была здесь с ним всю ночь. Мы пили кофе, смотрели телевизор. К собакам он равнодушен, к сожалению. Я бы завела пятнистого дратхаара, но с Габи невозможно спорить.

— Пусть откроет нам доступ к своему Перстню, — хмуро предложила Аврора. — «Аистом» можно управлять и с компа, но это только программерам восьмидесятого уровня под силу. Левинсон не потянет. Поэтому если он когда-либо имел дело с этим квадриком — я это выясню. Посылаю ему запрос. Ого, да у него «Кольцо Марсианского всевластия», новинка от «Владычицы»! Готово, пусть нажмет, что он не против мгновенного электронного расследования.

Левинсон с легкостью согласился.

Пока Аврора дистанционно терзала историю операций Перстня Левинсона, сам Гавриил, вольготно развалившись в директорском кресле, рассуждал на тему того, почему он никогда не стал бы использовать квадрокоптер, даже если бы задумал подобное похищение:

— Понимаете, Ваше Сиятельство, я в последнее время практикую воздержание от благ цивилизации, в особенности — от электронных устройств. С Перстня совершаю только необходимые звонки. На работу хожу пешком, благо мой Стекланный дворец тут неподалеку... Не поверите: сам подметаю дома полы! Мою их тряпкой! Пустил свою старую косоворотку на это дело... Да, одежду стираю вручную. Сначала приспособился было ходить со своим бельишком на Неву, прямо на набережной постирушки устраивал. Но «зелёные» на меня накинулись. Стали орать, что я загрязняю символ Петербурга своей пеной. Я им говорю — я не мылом стираю, парни, а золой, заказываю её специально из экодереvни, трачу пол-жалованья, пены она вообще не даёт... Но нет, эти зелёные дурни, по-моему, глухие от рождения. Ладно, теперь раз в неделю летаю на самолете на Черноморское побережье, там мои постирушки пока никого не смущают. Вот как в жизни-то бывает! Не присудили бы мне четыреста часов исправительных работ за похищение единорожки — не узнал бы я всей прелести природы, работы на воздухе, крестьянского образа жизни. Какие там квадрики! Я бы и Перстень в Неву выбросил, вот честно! Но у меня есть обязательства перед аудиторией «Всемогущего». Не могу пока ее кинуть на произвол судьбы. Не могу. Пропадет канал без меня. Скатится до уровня какого-нибудь «Елея». А, Ангелочек мой? Что скажешь? Хотел бы избавиться от меня?

— То есть честно? — наивно спросил Головастик.

— Нет, честно не надо, — расхохотался Левинсон. — Слушайте, ребята, вы меня здорово развлекли, но мне вообще-то уже пора. Скоро начнется прямая трансляция из Гатчинского аэропорта. Уже есть первые желающие воспользоваться подарком императрицы. Набился целый автобус на Луну. Мы не можем это не показать.

— К сожалению, сударь, я не имею права прервать принудительный звонок, пока мы не дождемся результатов проверки вашего Перстня.

— А знаете, Ваше Сиятельство, голос у вас классный. Прямо ложится на душу. Напевный, поставленный. Так вы никогда не думали о карьере телеведущего? Скажем, небольшая передача о литературе, с одиннадцати вечера до одиннадцати двадцати пяти, всего с одним — я подчеркиваю, с одним, это только из уважения к вам — с одним перерывом на рекламу? Ну, согласны? Жалованье космическое, с Филиппом я договорюсь, мы с ним приятели. Ну, заглянете ко мне сегодня, подмахнете договорчик?

— Господин Левинсон, я польщен, однако у меня тоже есть определенные обязательства перед Личной Канцелярией Её Величества, — сказал граф. — Впрочем, если вы ищете обаятельного ведущего, у меня есть один хороший знакомый...

— Всё чисто, — со вздохом констатировала Аврора, оторвавшись от монитора. — Блинеловый, он и правда таскает в Шепси своё грязное бельишко. А в Интернетке ищет разве что «древнерусские способы стирки» и еще «рейтинги мировых телеканалов». Идиотизм. Репка в телекепке.

— Проверка успешно пройдена, ваша невиновность в похищении Принца Чарльза предварительно подтверждена, — торжественно объявил граф Левинсону. — В соответствии с правилами, прерываю принудительный звонок...

— Минутку, Ваше Сиятельство! — Левинсон со звоном поставил на блюде

опустевшую чашку. — Во-первых, скиньте мне на почту контакты этого вашего знакомого, я заинтригован. Во-вторых, признайтесь, вы всех новых сотрудников держите за дверью?

— Простите? — не понял граф.

— Просто любопытно, почему ваш новый ветеринар Елизавета Ласточкина, которую я уже знаю лучше собственной племянницы, робко заглядывает к вам через щелочку двери. А вы что, не знали, что за вами подсматривают, граф? Тоже мне Ищейки. Всё, вот теперь мне точно пора. Адьос, амигос!

— Елизавета Андреевна! — вздохнул граф, раскрывая дверь настежь. — Сударыня, я был уверен, что вы набираетесь сил во сне у себя в квартире. Неужели я должен прочитать вам лекцию о подчинении приказам вышестоящего лица — лица, которое заботится о стабильности вашей нервной системы и здоровья в целом?

Лиза ответить не успела, поскольку из коридора послышался радостный крик Макса:

— Нашёл!

Фон Миних тут же забыл про непокорную Лизу и устремился навстречу полицейскому. Ангел тоже выбежал в гостиную. Аврора осталась сидеть на кровати со своим ноутбуком.

— Вы только взгляните, граф!

Макс держал в руке бирюзовый клочок бумаги, исписанный неровным, дрожащим почерком. Бумажка была заляпана красками, однако кое-какие слова всё-таки возможно было разобрать.

— «Как бы я хотела иметь частичку Вас... нет, Вашего сияния у себя дома», — начал читать граф. — «Вы мой ангел-хранитель, и мне хотелось бы...» Так, тут совсем непонятно... «Ежедневно прикасаться... Талисман мне сейчас жизненно нужен...» Что это за записка, сударь? Откуда она у вас? — Фон Миних повернулся к Ангелу.

— Ах, это — я и забыл про неё. Это от Матрёны.

— Кто такая Матрёна? — терпеливо спросил граф.

— Ах, боженьки! Вы же понимаете, что я знаменитость, да? А у каждой знаменитости есть поклонники. Вот эта милая барышня, например. — Ангел королевским жестом указал на Лизу, та закатила глаза. — Но вот Еленочка — я же не перепутал, милочка, вас зовут Леночка? («Лизочка меня зовут», проворчала Лиза.) Да, так вот Леночка мне ничего не дарит, я пока не видел от нее приятностей разных, а есть у меня поклонницы заслуженные, опытные. Вот взять ту же Матрёну — она мне ежедневно, на протяжении уже пятнадцати лет, присылает домой букет тюльпанов. Каждое утро! А внутри букета — миленькая записочка вроде этой. Я эти записки использую как промокашки для кисточек. Я уже говорил, что в каждом букете девяносто девять тюльпанов? Ровным счетом девяносто девять.

— Ровным счетом — это сто, — мстительно сказала Лиза.

— Значит, жду от вас, Леночка, ровным счетом сто тюльпанов завтра... нет, уже сегодня утром. Потому что Матрёна в последние недели совершенно забыла о своих прямых обязанностях! Бессовестная! Я весь, весь выкладываюсь перед жадной публикой, наизнанку выворачиваюсь, а она мне даже какие-то жалкие тюльпашки прислать не может!

Граф поднял правую ладонь.

— Правильно ли я понял, сударь, что вышеназванная Матрёна каждый день, пятнадцать лет подряд, присылала вам букет цветов, а затем внезапно перестала это делать — перед тем, как пропала резиновая курица Камилла?

— Ой, — дошло наконец до Ангела. — Ах, вы думаете, что... Матрёна? Хм. Ну не знак даже... Ей же сто лет в обед. Она еще Алексея Миротворца видела. Ну уж Константин Великолепного так точно. Матрёна и в принтерах-то не разбирается, от руки вон мне писульки строчит. Навряд ли она с квадрокоптером сладит, друзьяшки мои милые.

— А я бы всё-таки не сбрасывал бабулю со счетов, — заметил Макс. — Старое поколение — оно знаешь какое непредсказуемое? Взять моего папаню, например. Фирма-то наша семейная как называется? «Абрикосов и сыновья». Так я с детства знал, что мне она и перейдет по наследству. А результат? Ни с того ни с сего старик берет и передает весь кондитерский холдинг моей сестренке Груше. Видели бы вы ее: в цветастом сарафанчике, с детскими хвостиками... Нет, я ее обожаю, конечно, но какова несправедливость! Аграфена в семнадцать лет возглавила семейную компанию «Абрикосов и сыновья». А я, старший сын

Ивана Абрикосова, должен таскаться туда-сюда, как бездомная овца, любой ценой пробиваться на большой экран, чтобы сестра сочла моё портфолио достаточным и разрешила сняться в рекламе конфет с кокосом. Папаша же радостно потирает свои морщинистые ручки: вот как ловко придумал! Не дал сыну-оболтусу пустить фирму под откос! Так что на вашем месте я бы не был так уверен в невинности бабули. Откуда вы знаете, может, она давно уже окончила курсы пилотов квадрокоптеров? Может, она с Перстнем половчее Авроры управляется? Мой папаня в свои шестьдесят внезапно страшно увлекся компьютерной игрой «Увернись от Бабы яги» и достиг в ней девятого уровня, между прочим.

— Что ж, полагаю, у нас есть основания совершить принудительный звонок Матрёне... Как её отчество и фамилия? — осведомился граф у Ангела. — Не знаете? Вы хотите сказать, что пятнадцать лет подряд эта пожилая женщина присылает вам цветы, а вы даже не знаете её отчества?

— А зачем оно мне? — искренне удивился Ангел. — Это *она* ведь моя фанатка, а не наоборот.

— Можно связаться с цветочной компанией, у них должен быть счет на оплату тюльпанов, — предположил Макс.

Поскольку невнимательный Ангел не имел ни малейшего представления, какая именно фирма доставляет ему цветы каждое утро (помнил только, что в названии компании есть что-то про любовь), расследование изрядно затянулось. Графу пришлось будить принудительным звонком владельцев всех цветочных магазинов города, коих оказалось не меньше пятидесяти, и спрашивать, не они ли имеют честь привозить тюльпаны знаменитому телеведущему Головастикову. Владельцы спросонья долго не могли понять, чего от них хочет мрачный посланец Личной Канцелярии, пугались до полусмерти, и лишь с двадцать седьмого раза графу повезло: глава флористической фирмы «Разнотравье» по фамилии Любшторм (и это было единственной любовной ассоциацией) сразу подтвердил, что в списках его клиентов есть такой Ангел, а счета регулярно оплачивала... секундочку, он сверится с онлайн-документацией... да, некая Матрёна Ивановна Киселькина из Тверской губернии.

Дальнейшее было делом техники.

Матрёна Ивановна Киселькина, 73 года, место рождения — с. Рамешки, Тверская губерния, легко обнаружилась в базе главного сервера Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи.

Граф набрал номер. Над его Перстнем вознеслась уже привычная Лизе двумерная картинка. Первое время в кадре показывался только круглый столик, на котором веером были рассыпаны фотографии Ангела в разнообразных позах и нарядах. Потом картинка задрожала — хозяйка подняла свой Разумник — столик исчез, вместо него Ищейки увидели вьющийся по стенам виноград, льющийся с потолка нежный свет и странного вида кровать с какими-то приспособлениями по бокам и монитором в изножье.

На мониторе крутились разные надписи:

«Добро пожаловать в госпиталь КОСМ, уважаемая Матрёна Ивановна!

Ваш лечащий врач: Хитрово Екатерина Александровна.

Ваш медробот: модель «Сеня», производитель «Айболит», серийный номер АМП1801183».

Госпиталь КОСМ — космические технологии на страже вашего здоровья.

Мы не лечим людей. Мы делаем их здоровыми.

Надеемся не увидеть Вас снова».

— Проклятье, — с чувством сказал Макс.

— Что? Почему проклятье? Что случилось?

— Это больница. Бабуленция в госпитале. Причём почему-то в Петербурге.

Лицо пенсионерки, появившееся наконец в кадре, и правда с трудом можно было назвать цветущим.

— Слушаю вас, — вяло сказала Матрёна. Она совсем не производила впечатление человека, которому могут быть интересны похищения резиновых куриц и кнышей с пышными кличками, сложные манипуляции с квадрокоптерами и зависание в компьютерных играх вроде «Увернись от Бабы Яги». Больше всего она походила на Бабу Ягу, не сумевшую увернуться на своей ступе от помехи справа и влетевшую в нештучное ДТП с грузовым квадрокоптером типа «Аист».

— Светлого года, сударыня. — Голос графа заметно дрогнул. — Простите за беспокойство. Разрешите представиться: граф Александр фон Миних, заместитель шефа Седьмого отделения Личной Канцелярии Её Величества. Я вижу, вы находитесь в госпитале Крестовоздвиженской общины сестер милосердия... Матрёна Ивановна, ваше состояние позволяет ответить на несколько вопросов?

— Могу и ответить... Всё лучше, чем одной бессонную ночь коротать... Робот Сеня большая умница, но душевного тепла от него ждать не приходится...

— Как вы оказались в Петербурге?

— Приехала в столицу на недельку — хотела погулять по тем самым набережным, где ступала нога моего кумира Ангела Головастика. Ну, тут и сердце прихватило. От избытка чувств, наверное... Или от вашего вакуумного трамвая, не знаю...

— Сударыня, что вам известно о питомцах господина Головастика?

Размытый взгляд бабули прояснился. Она даже слегка привстала на подушках.

— Я знаю о питомцах моей телезвездочки всё! Интервью моего Ангелочка-хранителя читаю регулярно, не беспокойтесь. В детстве у него был хомячок по имени Адам. Потом — пятнистая черепашка Гоша Победоносец. После отчисления из семинарии он завел себе ручного черного ворона, назвал его Илайя. Потом Илайю сбил один из первых квадрокоптеров, и Ангелочек поклялся никогда больше не заводить домашних животных. Но разве можно было устоять перед кнышем! — Бабулька перевела дух и продолжила с еще большим воодушевлением. — Я ходила в нашу сельскую библиотеку, брала на один день журнал «Имперские амбиции» — там в разделе «Стиль» напечатали фотографии моего кумира с собачкой, Принцем Чарльзем, на руках. Это такое умиление! Такая прелесть! А эта забавная резиновая курочка? Камилла. Наш Ангелочек всегда что-нибудь очаровательное выдумает. С резиновой курочкой он фотографировался для британского журнала «Лошадь и гончая», английские читатели были в восторге... Кстати, сударь, вы согласны, что в Ангелочке есть что-то английское? Я бы сказала, настоящая лондонская сдержанность, неизменное достоинство... Он же как английский лорд!

«Английский лорд» в этот момент громко высморкался в записку от Матрёны, являвшуюся вещественным доказательством по делу о похищении.

— Сударыня, вам что-нибудь известно о пропаже кныша?

— Что? — Бабушка ужасно разволновалась. — Кнышик наш пропал? Как? Когда? Этого не было в новостях! Я смотрю телевизор сутками, боюсь пропустить — вдруг покажут моего

Ангелочка. Но про кныша ничего не было. А что случилось, сударь? Я должна знать! Вдруг я могу как-то помочь моему кумиру! Ой, может, мне нести вахту у его парадной? Давайте я прямо сейчас сбегу из больницы и встану на дежурство возле его дома! А, как вам такая мысль? — Матрёна очень вдохновилась своей идеей, даже щеки приобрели некоторый робкий румянец. — Сердечный приступ — это ерунда, у меня же теперь новый правый желудочек, распечатанный на трехмерном принтере, — похвасталась она. — Так что я помолодела на двадцать лет! Мне теперь хоть на Луну, хоть на Марс, хоть на круглосуточное дежурство у парадной. Глядишь, и похитителя вычислю. Преступник всегда возвращается на место преступления, так ведь говорят?

— Благодарю за ваше желание помочь, сударыня, но вынужден отказаться от ваших услуг, — отозвался граф. — Всё же это двадцать первый век и это Россия, у нас существуют более прогрессивные способы слежки. Кстати, вы очень нам поможете, если расскажете о своих отношениях с техникой.

— С техникой? — Бабулька явно разочаровалась. — Да какие там отношения, сынок! Я хоть и помолодела, но мне же все-таки не тридцать лет. Я и пылесос-то центральный включать толком не научилась! Подметаю избу по старинке. Смешно: Изба-то Разумная, напичкана всякими устройствами, а я соломенным веником в ней размахиваю.

Лиза немедленно дала себе зарок сегодня же, когда всё закончится, научиться включать центральный пылесос у себя в квартире, чтобы хоть в чем-то отличаться от семидесятитрехлетней бабульки.

— Вы узнайте у нее, граф, может, она детей своих надоумила, и они «Аиста» сюда послали — решили организовать матери подарок для скорейшего выздоровления, — сказал Макс, без особой, впрочем, надежды в голосе.

— Матрёна Ивановна, а ваш сын умеет управлять квадрокоптером? — поинтересовался граф. Данные о семье бабуленицы также хранились на сервере Центрального статистического комитета.

— Сын? Мой сын Андрюша? — Матрёна снова как-то обмякла, потухла и опустилась на подушки. — Ах, я не знаю. В африканских племенах не принято пользоваться гаджетами.

— При чем здесь Африка, сударыня? По данным Статистического комитета, ваш сын родился в Рамешках.

— Родился... А потом сбежал от цивилизации в Африку. Сказал, давят на него громадные экраны, душит его Интернетка... Он одного возраста с моим кумиром Ангелочком, они даже родились в один день одного года... Слышали когда-нибудь про такое племя — химба? Андрюша писал, что это самое красивое племя во всей Африке, — с печальной гордостью сказала Матрёна. — Он живет среди них. Спит в хижине. Обмазывается какой-то красно-оранжевой грязью, чтобы не пахнуть — мыться им там нечем, воды нет... Да... Так что нет, сынок, не думаю, что он умеет управлять квадрокоптером. Он давно уехал к этим химбам, когда дронов еще не было.

— Светлой ночи, Матрёна Ивановна! — раздался новый голос рядом с бабулькой. Приятный такой мужской голос, хотя и немного искусственный. — Вас приветствует ваш верный помощник, медробот Сеня. Десять секунд назад я получил данные о резком скачке артериального давления. В соответствии с рекомендациями Вашего лечащего врача я приехал, чтобы сделать вам укол. Информация о лекарстве выведена на монитор, установленный на кровати. Ознакомьтесь, пожалуйста, и протяните мне руку.

Картинка дернулась, изображение поплыло и в кадре возник тот самый медробот Сеня.

Лиза ожидала увидеть кого-то вроде андроида Си-Три-Пи-О, персонажа из любимых Игорем «Звездных войн». Однако это была всего лишь очередная самоходная тележка, только белая, глянцева, стильной обтекаемой формы, как стерильный гоночный автомобиль. Плавно, как дверь Ламборгини, отодвинулась в сторону боковая панель. Внутри оказалось небольшое отделение с подсвеченной подставкой, на которую Матрёна положила свою морщинистую руку. Запястье автоматически пристегнулось к подставке ремнем безопасности. Сбоку показалась блестящая игла — короткий укол — и вот уже ремень отстегивается, а дверца задвигается обратно. Медробот Сеня, выполнив программу, выкатился из палаты.

— Последний вопрос, Матрёна Ивановна, — заторопился граф. — Почему вы перестали посылать цветку господину Головастикову?

— Ох, да, я виновата, очень виновата, оставила бедного Ангелочка без ежедневного вдохновения, — покаялась Матрёна, приложив к месту укола правую руку. — Он нуждается в моих тюльпанах, я знаю, я чувствую, что нуждается. Но у меня недавно что-то случилось с моим виртуальным личным кабинетом на сайте банка, у них там всё как-то по-новому, не могу пока разобраться... Вот выйду из госпиталя, и сразу же — к банковскому консультанту, налажу платежи, обязательно налажу. Ангелу нужны мои тюльпаны! Чтобы и дальше продолжать нас радовать своим хорошим настроением!

— А знаете, сударыня, у меня для вас превосходная новость, — вдруг сказал граф. — И даже, пожалуй, две превосходных новости.

— Да? — безучастно спросила бабулька. — Вы разбираетесь в виртуальных банковских личных кабинетах, сынок?

— Этот вопрос мы безусловно решим, я сегодня же пришлю к вам в больницу моего личного банковского консультанта, разумеется, бесплатно. Но! И платить за цветы вам больше не нужно. Только что ваш кумир сообщил мне, что теперь он сам будет отправлять каждое утро букет цветов вам, сударыня!

— Что? — растерялась Матрёна. — Как это?

— Отныне и на протяжении пятнадцати лет как минимум, — строго сказал граф, поглядывая на Ангела. — В знак признательности за вашу неизменную поддержку. Он будет посылать вам ваши любимые цветы. Какие цветы вы любите, Матрёна Ивановна? Тюльпаны?

— Я? Ох... Какие я люблю цветы? Ромашки, наверное... Андрюша в детстве мне собирал из них букетики.

— Значит, каждое утро квадрокоптер из «Разнотравья» будет приносить вам букет отборных ромашек от господина Головастикова.

— Что? — капризно скривил губки Ангел, чьи эмоции живо менялись на протяжении разговора графа с Матрёной. — Как это?

— А вот так, — тихо сказал ему Макс из-за плеча. — Если жалко денег — мы с Ищейками скинемся и сами счёт оплатим. Но она должна знать, что это от вас.

— И вторая превосходная новость, — продолжил граф, не давая опомниться ошеломленной Матрёне, — господин Головастиков лично пожелает вам здоровья прямо сейчас. Прошу, сударь! — И он перевел свой Перстень на Ангела.

У ведущего мгновенно сработал телевизионный рефлекс. Он улыбнулся в камеру Перстня и затарахтел своим «профессиональным» голосом:

— Добрый день-добрый день-добрый день, милочка моя! Ну как вы себя чувствуете, дорогая моя Матрёшечка? Уже лучше? Ну я так и знал. Ангел Головастиков — ваш лучший

друг и лучшее лекарство, верно? Нет-нет, и не благодарите. Ну что же, разве мне сложно послать букет ромашек моей любимой поклоннице! Конечно, конечно же, это была моя личная идея и ничья больше! Разве вы знаете кого-нибудь с такой же светлой — и идеально уложенной головой, как у меня? Ну конечно же не знаете, милочка! Таких уникамов, как я, больше нет. Поправляйтесь поскорее и оставайтесь со «Всемогущим»!

Граф отключил связь, и Ангел вновь накуксился:

— А вы, мой милый, много на себя берете! Вместо того, чтобы искать кныша, вписываете меня в неподъемные расходы! У меня жалованье знаете какое маленькое? Повара вот с трудом могу себе позволить. А мебель! Вы только взгляните, как она обтрепалась! А новую не могу купить. Денежков, денежков нету! Теперь еще и за ромашки глупые платить. Ну спасибо!

— Сударь, я готов взять на себя все расходы, — успокоил его граф.

— Ну вот теперь нетушки-конфетушки, — надменно отказался Ангел. — А если журналисты из «Желтенькой утки» прознают, что не я сам плачу за эти цветы? Это не та популярность, которая мне нужна. Уж лучше пошлю ей жалкие ромашки, зато обо мне напишут в «Имперских амбициях», какой я добрый и щедрый. — Он вдруг загорелся этой идеей. — Фото на разворот: ваш лучший друг Ангел Головастиков стоит на гряде золота и рассыпает повсюду купюры... Правда, купюрами сейчас уже почти не пользуются... Что может символизировать электронные деньги? Ну, друзьяшки, накидывайте! Мозговой штурм! Ох, проку от вас... Потом сам придумаю. Ладно, на первый раз прощаю вас, граф, за самоуправство, но в следующий раз — ни-ни!

Граф усмехнулся:

— Благодарю вас, сударь, за гибкость и понимание.

— Да, я такой — гибкий и понимающий, — с готовностью согласился Ангел. — Да я такой гибкий и понимающий, что еще и картину ей свою пришлю вместе с первым букетом ромашек! Боженьки, это гениально. Какая реклама! Какое фото! Какая потрясающая статья для «Имперских амбиций»! Бо-жень-ки!

Ангел побежал в кладовку при коридоре — рыться в своих неудавшихся картинах, которые ему не жалко было бы отдать Матрёне, а граф с Максом уселись на потёртый марокканский диван среди подушечек и принялись вполголоса обсуждать дальнейшие перспективы расследования. Аврора так и залипла в спальне с ноутбуком.

Лизе стало скучно, поэтому она организовала себе два дела.

Во-первых, она написала (с превеликим трудом) сообщение начальнице Таможенной службы Ирине, чтобы та взяла под своё мощное крыло ещё одну яркую поклонницу таланта Ангела Головастикова. Матрёне Ивановне не помешает подруга-единомышленница.

Во-вторых, Лиза решила испытать Скатерть на предмет изготовления достойного кофе! Время приближалось к семи утра.

У Лизы была робкая надежда на то, что этот хвалёный шеф-повар, весь увешанный европейскими наградами, сумел-таки научить ВАЗЗовское изделие готовить приличный эспрессо. За границей империи, судя по всему, кофе всё еще уважали.

Она принялась перелистывать сенсорное меню.

«Моноовощной ужин «Vive le céleri!»:

— салат с киноа, сельдереем, бататом и листьями молодого редиса;

— крем-суп из сельдерея с трюфельным маслом и миндалем;

— паста с сельдереем, шампиньонами и чесноком;

— клубничное парфе с замороженной крошкой из шампанского и сельдерея;

— кукурузный хлеб с сельдереем и сыром Ланкашир».

Лиза потыкала пальцем в строчку «кукурузный хлеб», но в этой части блюда шли исключительно блоками: «Поздний ужин после удачного эфира», «Ранний ужин после неудачного эфира», «Обед для хорошего цвета лица», «Обед на 540 персон на случай возможной повторной коронации», «Завтрак в день награждения значительной премией», «Завтрак в день награждения незначительной премией», «Фуршет в честь возможного присвоения звания Личный Художник Её Величества», «Энергетический полдник в день написания очередного луннопыльного шедевра». Разбить блоки на отдельные составляющие было невозможно — симфония вкуса в каждом случае была тщательно продумана, и расхватать ее на десяток разрозненных песенок не позволялось.

Лиза догадалась перейти в раздел «Свободный выбор»:

«Лепестки тюльпана во фритюре... Террин из беломорского окуня с черной икрой... Ризотто с хамоном по-псковски... Мороженое из новгородских сливок с сибирским кленовым сиропом...»

Она соблазнилась лепестками тюльпана, хотела заказать деликатес, но система грустно сообщила, что ключевого ингредиента (а именно, лепестков тюльпана) нет в наличии. Лиза надулась и возобновила поиски кофе. Однако и в этом разделе напитков не было. Лиза стала стала листать дальше.

«Индивидуальное меню Принца Чарльза:

— *Мусака «Кусака» с оливковым маслом, отрубями и рубленой говядиной;*

— *Кныши по-украински «Прожорливый кныш» с фаршем из псковской свинины;*

— *Кнедлики «Вредлики» с куриной печенью и морской капустой;*

— *Круассаны «Ле тявк манефик» с говяжьим рубцом и овсяными хлопьями;*

— *Рулетный омлет «Завтрак босса» с сухим овечьим сыром и брюссельской капустой».*

— Вы гляньте, сколько тут всего для собаки! — с завистью сказала Лиза коллегам. — И главное, зачем? Ерунда какая-то. У собаки намного меньше вкусовых рецепторов, чем у человека.

— Это у простой собаки, милочка, рецепторов меньше! — высунулся из коридора Ангел, держа в руках холсты разного размера и разной степени испачканности. — А мой кнышик достоин самого лучшего! Так я и сказал Юхе, когда тот начал нудить, что не видит смысла в высокой кухне для щенка. Принц Чарльз вам не какой-нибудь плебейский пёс с молочной фермы, заявил я Юшке. Будь любезен выложиться для него по полной! Ну Юхе пришлось подчиниться, конечно. А не то остался бы без работы! Пусть бы попробовал найти новое место — повара нынче не в цене, я его только для экзотики держу! Ну и для Чарлика, конечно.

Он спрятался обратно в свою кладовку-мастерскую, а Лиза вернулась к изучению меню:

— Постарался повар на славу... Один рулетный омлет чего стоит!.. Знаете, раньше я думала, что самое счастливое существо во всех мирах — это районный инспектор пожарной охраны, который порхает по школам и собирает сладкую дань с директоров: конфеты там, конвертики интересные. Ответственности никакой, и повсюду встречают, как дорогого гостя. Но теперь я вижу, что нет! Тот, кто хорошо себя вел в предыдущей жизни, в следующем раз родится домашним питомцем телеведущего «Всемогущего»! Сколько изысков, какое баловство! Уж на что я люблю своего Пуську, но он и то у меня ограничен охотничьими колбасками да сухим кормом. А здесь — меню для наследного принца нефтяной державы!

Граф поднял брови:

— Сударыня, вы, кажется, до сих пор не осознали, что нефтяные державы в нашем мире плетутся в хвосте мирового обоза — подземное топливо у нас давно уже не в чести.

— Лично я не стал бы так уж завидовать кнышу Чарлику, — отметил Макс. — Он сейчас неизвестно где и неизвестно в каком состоянии. Разве твой порхающий пожарный инспектор может стать жертвой высокотехнологичного похищения с использованием квадрокоптера?

— Наверяд ли, — задумалась Лиза. — Во-первых, у нас с квадраками туго. Во-вторых пожарные инспектора — ребята тяжеленькие, конфеты сразу откладываются на боках. Ну и в-третьих, зачем их похищать? На место одного сразу придет другой такой же, только худой, и опять его надо будет прикармливать... Нет, никто их похищать не станет.

— Получается, тот, кто хорошо вел себя в предыдущей жизни, в следующей родится районным пожарным инспектором в твоём мире. Так?

— Выходит, так, — согласилась Лиза.

— Ну, значит, нам всем есть к чему стремиться, прямо сейчас и начнём, — заключил Макс и они с графом вернулись к своей дискуссии о различных методах поиска пропавшего кныша.

Макс, ковыряя пальцем поролон в лопнувшей обшивке дивана, предлагал воспользоваться старым проверенным способом. Нам понадобится, говорил он, еще одна собака и еще один квадрокоптер. Берем собаку, сажаем ее в корзину грузового полицейского дрона и пускаем по воздушному следу. Пусть разнюхает, куда «Аист» утащил Принца Чарльза. А что? У нас есть одна знакомая собака, которая беспрекословно слушается Лизавету. Помните Дружка, пса Мьяурисио? Или можно взять сэра Джима, но он тяжеловат для полета на квадрике, это не его масштаб. Этому кабану трансатлантические лайнеры подавай.

А кстати, что с Дружком-то, спросила Лиза, рассеянно листая бесконечный список напитков. Как что, удивился Макс. Он в тюрьме, вместе с Мьяурисио. Как в тюрьме, ужаснулась Лиза. Очень просто, объяснил Макс. У нас есть специальные тюрьмы для владельцев животных. В камерах можно жить со своими питомцами. Там особый режим охраны. Есть зеленый двор для выгула собак и морских свинок. Штатные ветеринары и прочее. Понимаешь, Лизавета, государство не имеет право разлучать животное с владельцем. Собаке же не объяснишь, почему сегодня вечером ее любимый хозяин не вернется домой. Так что приняли такой закон о совместном заключении преступников и их питомцев. Уже давно приняли, еще при императоре Николае Прогрессивном. О да, сударыня, добавил граф, подобный подход к содержанию заключенных невероятно эффективен с психотерапевтической точки зрения. Животные помогают хозяевам-преступникам снимать отрицательные эмоции, не дают им потерять человеческий облик за решеткой. Класс, сказала Лиза, мне теперь ваша тюрьма вообще не страшна, если Пуську ко мне в камеру пустят.

Граф заявил Макс, что его способ никуда не годится. Сперва нужно будет оформить кучу разрешений на эту операцию: от судьи, от адвоката Мьяурисио, от самого Мьяурисио как представителя своего пса. Да и вообще, кныш был украден четыре часа назад, и за это время его воздушный след безвозвратно развеяло ветром с Финского залива.

Как бы поступил на нашем месте Аркадий Францевич Кошко, родоначальник дактилоскопии и легендарный русский сыщик-инноватор начала двадцатого века? — спросил присутствующих граф. Присутствующие в лице Лизы и Макса пожалы плечами.

Аркадий Францевич придумал бы что-нибудь простое и гениальное, ответил за них граф. Например, он обратился бы к похитителям со всех экранов страны. Воззвал бы к их лучшим чувствам, попросил вернуть кныша домой. Технически это сделать нетрудно, тот же Левинсон мог бы это организовать за пару секунд.

Макс невежливо расхохотался. Лучшие чувства? У похитителей? Ваш Кошко в жизни на это бы не пошел. Уж скорее он устроил бы провокацию: сообщил бы с экрана, что попытка похищения кныша не удалась, Принц Чарльз прекрасно себя чувствует в теплой домашней обстановке, лопает деликатесы и нарушениями сна не страдает. Похитители тогда сильно озадачатся, а того ли пёсика они стащили, начнут нервничать, суетиться, выяснять подробности и попадутся в лапки современных Кошек, то есть Ищеек.

Графу эта идея не сильно приглянулась. Арестованные похитители, сказал он, подадут на нас в суд за намеренное введение в заблуждение, совершенное при помощи технических средств. Есть такая статья в Уголовном уложении и вы, Максим, как представитель жандармерии, должны цитировать ее с любого места. Также вы не можете не знать, что в новейшей истории российского судопроизводства были похожие прецеденты.

Спорщики сошлись на том, что доступ к городским камерам видеонаблюдения сильно облегчил бы им процесс расследования. Стали в два голоса звать Аврору и спрашивать, как продвигается написание запроса в Девять-Ноль-Девять. Аврора недовольно ответила, что написание продвигалось бы гораздо быстрее, если бы всякие лузеры ей не мешали, а дали вместо этого чашку горячего клюквенного морса.

Поскольку Лиза как раз каким-то чудом набрела на подраздел «Горячие безалкогольные напитки», заказ Авроры удалось выполнить на удивление быстро. Макс попросил березового сока, граф решил освежиться зеленым чаем с мятой, Ангел крикнул из коридора, что он будет горячий шоколад «а-ля Клод Моне», а для себя Лиза наконец-то отыскала «Эспрессо по-милански». Через пять минут на поверхность Самобранки выдвинулся поднос с дымящимися чашками — претенциозной треугольной формы.

Графу пришлось проявить недюжинное мужество и самостоятельно отнести Авроре её морс — остальные побоялись заходить в клетку к пухлому сердитому львенку с кудлатой фиолетово-розовой гривой.

В ожидании ответа из Девятьсот Девятого отделения уселись за стол. Ангел тоже подтянулся из коридора, приманился роскошным тяжелым запахом горячего какао. Заодно принес показать картину, предназначенную им в подарок Матрёне Ивановне.

— Ну что, друзьяшки, как вы думаете, что изображено на этом чудном холстике?

На холстике творилось дроперидол знает что. Пылающее в прямом смысле слова сердце — то есть планета в форме сердца, сверху донизу покрытая извергающимися вулканами. Более того, несчастную планету также насквозь пронзала исполинская молния.

Лиза предположила, что перед ними картошка, которую насадили на шампур и жарят на костре.

Ангел ужасно разобиделся. Оказалось, что на картине никакая не картошка, а планета Венера, сама же картина в целом посвящена тому, что он, Ангел, думает о любви.

После того, как граф похвалил мощный символизм, заложенный в данном произведении искусства, Ангел заметно приободрился, присоединился к гостям за столом, выпил свой горячий шоколад, после чего начал громко жаловаться на голод.

— Так у вас же есть превосходно обученная Скатерть, — с недоумением сказала Лиза. — Закажите у нее что-нибудь. Чашки, конечно, жутко неудобные, но такого классного

эспрессо я, кажется, никогда в жизни не пробовала. Будь у меня побогаче словарный запас, написала бы поэму про ваш кофе. Граф, а вы стихи не пишете, часом? Может, вы сочините оду в честь «Эспрессо по-милански» из Самобранки товарища Головастика? *Такие* стишата я бы послушала.

— «Жар, восторг и вдохновенье грудь исполнили мою — кофе, я тебя пою», — певучим речитативом продекламировал граф, глядя в подсвеченную темноту за окном. — «Вдаль мое промчится пенье, и узнает целый свет, как любил тебя поэт... О напиток несравненный, ты живешь, ты греешь кровь, ты отрада для певцов! Часто, рифмой утомленный, сам я в руку чашку брал и восторг в себя впивал».

— Неплохо, — одобрила Лиза. — Бодренько. Жидкий восторг — это сильно.

— Но это не мое творчество, сударыня. Автор — небезызвестный Кюхля, один из лучших друзей Пушкина... Мои стихи не предназначены для чтения на публике.

— Почему? — заинтересовался Макс. — Они неприличные?

— Отнюдь, — пожал плечами граф. — Не неприличные. Слишком личные.

Ангел тем временем с недовольным видом копошился в меню Самобранки, приговаривая: «Ну интересно — я плачу последние деньги личному повару, и еще должен сам батрачить на кухне? Пальчиком своим тыкать в экран, напрягаться? Нет, милые мои, так у нас дело не пойдет». Так ничего и не заказав, он откинулся на спинку скрипнувшего стула и страдальчески заявил:

— Всё, друзьяшки. Буду ждать Юшку. Кстати — а что это он себе позволяет? Уже начало восьмого, а он до сих пор так и не явился! Придется его оштрафовать за опоздание — заодно и денежки сэкономлю, на массаж схожу. Всё тельце у меня болит из-за бессонной ночи! Это вы во всём виноваты, милые мои. Прошло уже четыре часа, а вы до сих пор не можете найти гадкого похитителя.

Лиза и сама ужасно устала, только эспрессо и давал ей силы держать глаза открытыми. Она с сожалением сделала последний глоток, думая о том, что бедному кнышу, избалованному сладкой жизнью, наверняка сейчас еще хуже, чем ей. Наверяд ли похитители кормят его (если вообще кормят) авторскими блюдами высокой кухни, к которым он так привык.

Стоп. Погодите-ка.

— Слушайте, товарищи, — сказала она внезапно севшим голосом. — Слушайте, я знаю, кто это сделал.

Все посмотрели на Лизу с интересом.

— Это же повар! — объявила она. — Я уверена, что Юха решил избавиться от кныша. Папаверин меня разбери, вы можете себе представить, что за жизнь устроил ему тут товарищ Головастиков? Бедняга учился-учился искусству готовки — а поверьте мне, это очень даже муторное занятие, — скитался по Европе, и вот он возвращается на родину и становится прислугой для собаки, которая попросту не способна оценить по достоинству его шедевры. Я как ветеринар за это ручаюсь. И не спорьте, товарищ Головастиков. Ваш Чарлик — как первоклассник, который только-только научился складывать два плюс два, а профессор университета пытается увлечь его красотой формул высшей математики.

— Пфф, что за глупости! — фыркнул Ангел. — Не стал бы Юшка мне мстить. Не за что. Он безмерно счастлив, что ему удалось найти в моем лице такого великолепного хозяина!

— Что-то я на его кислом лице счастья не заметила, — не согласилась Лиза. — Про обед на двенадцать персон, над которым он трудился всю новогоднюю ночь, вы забыли. Штрафуете его при каждом удобном случае. Рабочий график такой же непредсказуемый, как вы сами.

— Это просто смешно, — насупился Ангел. — Это просто смешно, и я с негодованием отмечаю эту версию, потому что не могу себе позволить остаться без повара сразу после того, как меня отчислили из «Глобализации». Вы что же это, милочка, хотите, чтобы я умер голодной смертью? Не верю, что Юшка, который столько раз выгуливал Чарльза, читал кнышику сказки на ночь и вообще сроднился с ним, мог его похитить. Исключено, друзьяшки, исключено! Можете даже не тратить свое время. Вот он сейчас придет и сами его спросите.

— Господин Мякинен часто опаздывает? — уточнил граф.

— Еще чего! Во-первых, он боится меня рассердить — в гневе, друзьяшки мои, я страшен, уж поверьте! Как-то раз вашего лучшего друга даже наградили очень престижной премией «Самая большая истеричка российского телевидения», — похвастался Ангел. — Никто из конкурентов не умеет так визжать, как я. А во-вторых, финская пунктуальность у Юшки в крови! Обычно по нему часы можно сверять.

— Уже семь двадцать, — заметил Макс. — А кстати, ваш повар сам вводил рецепты в Скатерть?

— Кто же еще? — удивился Ангел. — Уж точно не я. Я творческий человек, далек от техники, она мне совершенно неинтересна. (Лиза сочувственно кивнула.) Самобранку настраивать не проще, чем, ну я не знаю, квадриком управлять! Я что, по-вашему, должен всё бросить, забыть о своей карьере на телевидении и с утра до ночи программировать какую-то глупую Скатерть?

— Эй, пипл! — В гостиную вбежала Аврора с ноутбуком под мышкой. — Слышали когда-нибудь про такую ферму — «Имбирь и мята»? В двадцати километрах от города по Дворянскому шоссе. Похоже, наш кныш там.

Все вскочили со своих мест, словно в полуметре от них внезапно началось извержение венерианского вулкана с картины Ангела.

— Как вы это выяснили, сударыня? — взволнованно спросил граф.

— Камеры, граф, камеры видеонаблюдения! — Аврора ликовала. — Отсмотрела

маршрут «Аиста» от начала до конца. Он ушел из зоны видимости, когда подлетел к этой ферме. Поля не освещаются, темно, но судя по сигнальным огням, он где-то там и приземлился.

— Аврора! Сударыня! О, Аврора... — Граф пытался подобрать слова. — Я не могу выразить всей степени своего восхищения... Поверить не могу, что вы сумели договориться с непробиваемыми, как стены крепости Крак-де-Шевалье, коллегами из Девятьсот Девятого отделения...

— А и правильно не верите, — хитро прищурилась Аврора. — Можно сказать, я сделала подкоп под стены их крепости.

— О нет. — Граф тяжело осел обратно на стул.

— А что? — с вызовом сказала Аврора. — Эти лузеры мне нагло отказали в доступе к серверу. Блин еловый, да кем они себя возомнили? Ладно, им плевать на кныша. Но они что, не знают, что я взломала «Владычицу»? Пришлось немного поднапрячься, и вуаля — теперь мы знаем про ферму.

— Да, но какой ценой, — с горечью сказал граф. — Вы же понимаете, сударыня, что я обязан доложить о вашем нарушении Филиппу Петровичу. А он, в свою очередь, обязан донести эту информацию до господина Ренненкампфа. А тот, естественно, отдаст вас под суд.

— Да и плевать, отдохну в тюрьме от вас, лузеров, — весело сказала Аврора. Она была страшно довольна собой. — И вот что — я, пожалуй, сама сообщу Ренненкампфу о взломе Девять-Ноль-Девять. Хочу поглядеть на его вытянутую физиономию. И на глупые лица этих Великих и Могучих ламеров тоже.

Граф с тоской посмотрел на нее.

— Дорогие Ищейки, не пора ли нам выдвигаться на вышеназванную ферму? — вмешался в беседу Макс. — Вы еще успеете поиграться с Фемидой в лице Реннекампфа. Кныш по-прежнему не с нами, дамы и господа. Кстати, никто так и не ответил на вопрос: что за «Имбирь и мята» такая. Не помню, чтобы эта ферма проходила у нас по протоколам. В жизни про нее не слышал.

— Юха берет там для меня пряные травы, — слабым голосом сказал Ангел, хватаясь за стразы в районе сердца. — Это небольшая семейная ферма, поставки органической продукции избранным клиентам. Я в каких-нибудь второсортных массовых пассажах не закупаюсь.

Граф прикрыл на мгновение веки, встряхнул головой и вновь поднялся — собранный, решительный.

— Максим, прошу вас немедленно связаться с коллегами из полицейского участка — какой там ближе всего к ферме? Выясните. Пусть отправят спецотряд для поиска и охраны кныша, пока мы туда добираемся. Далее. Нам нужно допросить господина Мякинена...

Тоненько пискнул входной блок, дверь в квартиру открылась — на пороге показался Юха. С абсолютно непроницаемым, типично скандинавским выражением лица.

Макс бросился к нему первым.

— Именем Императрицы и во имя Закона об уважении к животным, вы задержаны по подозрению в похищении кныша Принца Чарльза, — выпалил он. — Я унтер-офицер Максим Абрикосов. Попрошу ваши запястья. — И ловко защелкнул наручники.

— Что происходит, офицер? Ангел Иваныч, вы не знаете? — Невозможность повара

пошла трещинами. Он казался удивленным и испуганным одновременно. — Я ничего не сделал, просто пришел на работу.

— Юшка! Как ты мог! Как ты мог, после всего, что я для тебя сделал! — возопил Ангел, вздымая руки к потолку. — Всё это время я привечал этого предателя, как своего лучшего друга! Под маскою овцы скрывался Иуда! Боженьки, поверить в это не могу!

— Кньш господина Головастика похищен, сударь, и у нас есть веские основания подозревать, что без вашего участия в этом деле не обошлось, — сообщил повару граф. — Меня зовут граф Александр фон Миних, я агент Седьмого Отделения Личной Канцелярии Его Величества, и я должен задать вам несколько вопросов. Сейчас у нас на счету каждая секунда, поэтому я вынужден провести беседу на ходу, по дороге к месту предполагаемого нахождения кньша... Аврора, будьте любезны, вызовите наш автомобиль. Мы не можем ехать с подозреваемым на вакуумном трамвае.

Конторский беспилотный автомобиль подкатил к парадной, пока Ищейки одевались и спускались на лифте. Ранее утро первого января — гарантия отсутствия пробок во всех мирах. Машина была эффектной: золотая с белыми орлами по бортам.

Допрос в авто начался так себе. Юха сразу заявил, что он отказывается отвечать без своего адвоката. Всё, что он может сказать — он всегда с большой нежностью и теплотой относился к кньшу Чарльзу, никогда бы не причинил зла своему пушистому воспитаннику и переживает за его судьбу не меньше господина Головастика. После этой декларации повар отвернулся к окну и ни на какие расспросы больше не реагировал.

Изрядно вымотанный граф вскоре прекратил эту бессмысленную игру в одни ворота, немного расслабился и прикрыл глаза. Аврора тыкала в кнопки ноутбука.

Ангел сперва громко отчитывал Юху за его неблагодарность (финн упорно молчал), потом стал забавляться со своим Перстнем, потом заскучал и начал рассказывать Максиму о том, как он двадцать лет назад закатил знатный скандал на телевизионном песенном конкурсе, откуда его пытались выкинуть. Из конкурса его все равно в итоге выкинули, но благодаря вселенской истерике его заметил Левинсон и взял ведущим в новую программу. Так стартовала блистательная карьера бывшего семинариста на «Всемогущем».

Макс слушал Ангелово бахвальство с интересом, но постоянно отвлекался на собственный мигавший Перстень, куда ему приходили сообщения от коллег из Дворянского участка. Местные городские уже прочесывали ферму с фонарями, но пока без особого успеха. Экспресс-допрос хозяев, судя по электронным онлайн-протоколам, тоже ничего не дал.

Лиза, чтобы не заснуть, изучала салон чудо-автомобиля.

Конторский Русско-Балт ходил на микроавтобус для участников международного экономического форума. Были в нем мягкие экокожаные кресла, хорошая шумоизоляция, большой экран, на котором показывали фотографии лучших агентов Личной Канцелярии и их достижения за последний отчетный квартал. Достижения, на Лизин взгляд, были совершенно дурацкими:

— какой-то носатый деятель из Шестого отделения («Преступления против экологии») уличил мебельный холдинг «Хохлома» в злостном обмане. Как выяснилось, негодяи из «Хохломы» бессовестно ввали на протяжении многих лет, утверждая, что биопластиковые упаковки, в которые заботливо завернуты их кресла и торшеры, разлагаются за три года. Носатый дяденька из Шестерки не поленился закопать у себя на балконе один такой биопакетик на основе крахмала и стал регулярно проверять, а как там идет обещанное

разложение. Разложение шло неплохо, но медленно — пакетик полностью растворился в почве не через тридцать шесть месяцев, как гарантировали «хохломщики», а через тридцать восемь, то есть на целых два месяца позже. Итог — штраф в имперскую казну в несколько миллионов рублей и грамота носатому деятелю от премьер-министра Мелиссы Майер;

— серьезный дядя с бородой из Второго отделения («Преступления против терпимости») заслужил награду из рук императрицы благодаря аресту некоего Эдуарда Пышкина. В чем провинился вышеназванный Пышкин, Лиза поняла не сразу. Пришлось спрашивать у графа. Фон Миних объяснил: оказывается, по всемирному договору полувекковой давности именно Российская империя объявлена площадкой для встречи с внеземным разумом, если таковой пожалует в гости на нашу планету. Для возможных переговоров с обитателями соседних Галактик даже был построен Коммуникативный центр "Земля-Небо" — на берегу Волги, в районе населенного пункта Васюки. В разработке проекта Центра принимали участие не только известные ученые вроде Стивена Хокинга, но и писатели-фантасты с их безумными идеями о том, как могут выглядеть космические пришельцы. Комплекс получился невообразимым, в Васюки валом повалили туристы, заштатный городишка мгновенно стал мировой достопримечательностью, и всё было хорошо до тех пор, пока житель Васюков Эдуард Пышкин не решил, что инопланетянам в России не место. Пышкин развел активную протестную деятельность, разбрасывал по всему городу листовки (не на рисовой бумаге, а на полуполюгальной сосновой) с призывами разрушить Коммуникативный центр, слал в космос сигналы с самодельного радиопередатчика с общим смыслом «Межгалактические янки, гоу хоум». При этом от представителей правоохранительных органов он весьма изобретательно прятался как раз-таки по многочисленным закоулкам того самого Центра, спроектированного для удобного размещения самых разных форм космической жизни, от говорящих гусениц до мыслящего газа. Бородатый дядя из Второго отделения охотился за Пышкиным по этому лабиринту несколько месяцев, а поймал на простейшую приманку: банальную бутылку елового пива. Фу, сказала Лиза, борясь с тошнотой;

— агент Пятого отделения («Преступления в сфере реализации программы «Разумная Изба»»), напротив, добился освобождения арестованного преступника. Пару месяцев назад один талантливый архитектор попался на мошенничестве с автомобильной страховкой, его задержали, он сознался и уже морально подготовился провести следующие пару лет в тюрьме. Однако агент Пятёрки, неожиданно явившийся на заседание, сумел убедить суд в том, что архитектор принесет гораздо больше пользы обществу, если вместо тюрьмы ему назначат два года принудительной работы на благо ИСК («Императорской строительной коллегии»). Так оно и вышло: архитектор сумел придумать, как без потери качества можно в полтора раза удешевить строительство типовой Разумной Избы. Результат настолько обрадовал идеолога программы, экс-императора Константина Алексеевича, дедушку нынешней императрицы, что престарелый государь своей рукой написал архитектору благодарственное письмо и пригласил «на винишко и солнышко» в свою скромную резиденцию на черноморском побережье, где он сам выращивал виноград.

Затем Лиза с удовлетворением увидела на экранчике собственный портрет в красной шляпе — ниже перечислялись ее заслуги перед Империей за последний месяц, начиная от спасения Пуси и заканчивая оправданием Джима. Это было, пожалуй, покруче обшарпанной Доски почета в их ветеринарной клинике, где обычно клеили не фотографии хороших работников, а всякую дрянь: объявления о том, что в учреждении из-за неуплаты отключают

горячую воду, требования не красть бумагу из принтеров и мыло из туалетов и прочие указавки от начальства.

Только-только на экранчике появился Платон — Лизе было любопытно, а он-то с какой стати причислен к элитной компании лучших агентов Канцелярии, — как микроавтобус мягко остановился возле въездной арки с надписью «Имбирь и мята». Арка вела в бескрайнее темно-серое поле, обнесенное невысоким заборчиком. Темно-серое — потому что за забором был чернозем, лишь чуть-чуть прикрытый тонким слоем снега. В густой мгле дрожали светлые точки — фонари жандармов, разыскивающих Чарлика.

Рядом с аркой дежурил полицейский электромобиль — та же модель микроавтобуса, что и у Ищек, но изумительно-белого цвета с золотыми орлами на бортах; впрочем, смотрелся он тоже весьма нарядно. На крыше мигал ярко-зелеными всполохами проблесковый маячок. Макс тут же выпрыгнул из агентской машины и побежал получать последнюю информацию у коллег.

— Судя по карте в Интерсетке, фермерский дом на другом конце поля, — сказала Аврора, глядя в свой компьютер. — Послать вам на Перстни координаты?

— Благодарю, но чуть позже, сударыня. Полагаю, начать нам нужно не столько с допроса хозяев, сколько с поиска Принца Чарльза — вы чувствуете, насколько здесь холоднее, чем в центре Петербурга? Подогреваемых мостовых за городом нет, январь за пределами столицы действительно январь. Однако снега на поле не так много, как я надеялся, маленьких следов кныша в этой грязи мы не найдем... Максим, какие новости? — обратился фон Миних к вернувшемуся унтер-офицеру.

— Увы, граф, пока никаких. — Макс выглядел встревоженным. — Двое жандармов общаются с владельцами фермы, пока без толку. Мирная семейная пара пожилых голландцев, любят животных, телевизора в доме нет. Ни про Ангела, ни тем более про его кныша и не слыхали. Еще шестеро полицейских бродят по полю с фонарями. Либо кныш их боится и где-то затаился, либо его тут нет... Эй, богиня утренней зари! Ты уверена насчет этого места? Квадрик приземлился именно здесь?

Аврора ужасно разозлилась:

— Блин еловый, Макс! Думаешь, я просто решила всем устроить увеселительную загородную прогулку в семь утра первого января?

Граф вновь попытался привлечь внимание повара, который, хоть и в наручниках, но с крайне независимым видом стоял возле золотого конторского микроавтобуса.

— Сударь, вы окажете серьезную помощь следствию, если прямо сейчас, я подчеркиваю, немедленно раскроете местонахождение Принца Чарльза. Если мы обнаружим его сами, без вашего участия, на снисхождение судьбы не рассчитывайте.

Юха хотел было скрестить руки на груди, но наручники помешали ему воплотить задуманное, поэтому он просто отвернулся и принялся напевать сквозь зубы старый хит Беты «Ах ты, зимушка-зима, вот и снова я одна, мой милёнок на Луне, как билет достать и мне?». Слуха у повара не было. Совсем. Граф поморщился.

— Юшка, может, хватит дурака валять? — сердито предложил Ангел, высовываясь из теплого салона автомобиля. — Ты видишь, какая темень вокруг? Пока мы найдем Чарлика, он просто-напросто околеет. Ну, куда нам идти? Или лучше — как нам подъехать туда на машине? Ножки у меня нежные, нетренированные, в пешеходном искусстве ваш лучший друг Ангел Головастиков не силен, в отличие от искусства живописи!

Юха набрал полную грудь морозного воздуха и перешел к фальшивому исполнению второго куплета трогательной песни про путешествие влюбленной девушки на Луну вслед за своим парнем, который, судя по контексту, просто-напросто сбежал на другую планету от приставучей занудины.

— Кстати о темноте — я тут кое-что придумал, — интригующим голосом сказал Макс. — И если после этого мне не выдадут Орден из рук императрицы или хотя бы торт

«Ореховый взрыв» из рук персонала «Омелы», я просто потеряю веру в высшую справедливость. Скажите мне только одно: вы готовы, Ищейки?

— К чему? — спросила Лиза. Очень трудно было думать на таком морозе — с этими теплыми мостовыми она совершенно отвыкла от настоящей зимы.

— Секундоньку... — Макс постучал по своему Перстню. — Дамы и господа! — объявил он голосом опытного одесского конферансье. — Представляю вам танец маленьких квадрокоптеров! Не парад орбитальных спутников, конечно, но тоже кое-что. Хореограф и идейный вдохновитель «Вальса дронов» — ваш любимец унтер-офицер Максим Абрикосов. Встречайте наших талантливых исполнителей!

Откуда-то со стороны переливающегося, как громадный воздушный пузырь, мегаполиса послышалось знакомое нарастающее жужжание. В темном небе разрасталась внушительная колонна пронзительно-зеленых сигнальных огней. На ферму надвигались десятки, сотни полицейских квадрокоптеров.

— Дурацкая затея, — скучающим голосом сказала Лиза, немного оправившись от изумления. — Ты погляди, какие у них огоньки-то тусклые. Еле-еле сами квадрики можно разглядеть.

Макс задорно расхохотался, будто Лиза отлично пошутила, и скомандовал в свой Перстень: «Свет — камера — мотор!».

Раздался гулкий звук, будто где-то в небесах откупорили бутылку шампанского — и ферму мгновенно залил яркий сценический свет.

— Святые ноотропы, — сказала Лиза, прикрывая глаза тыльной стороной ладони.

— Да будет Свет, как говорится в Библии... Это летающие прожекторы, сударыня, — пояснил граф. — Господин Абрикосов весьма вовремя сообразил их вызвать. Каждый квадрокоптер оборудован мощной лампой... Нет-нет, не смотрите прямо на них, это опасно для глаз! Давайте лучше поскорее приступим к поискам кныша.

Лиза с тоской поглядела на поле. В четком свете прожекторов рыхлая земля вперемешку со снегом казалась ничуть не более привлекательной, чем в темноте. Однако где-то там металась одушевленная плюшевая игрушка, и нужно было идти ее спасать, даже если брести придется по колено в грязи.

Труднее всего оказалось убедить Ангела в том, что автомобиль по полю не проедет, а ждать спецтехнику времени нет. Бедняжка Головастикова, страдая и хныча, выбрался из машины и пошел по полю впереди всех, выкрикивая: «Принц! Чарлик, ты где? Иди к папочке! Я тебе новую укладку придумал! Давай сюда скорее, пока я не забыл, с какой стороны прицепить серебряный бантик!». Справа от него шел Макс, слева — граф, чуть позади выстроилась цепочка жандармов, а Лиза решила от всех оторваться и пойти вдоль забора. Лично она на месте кныша не сидела бы, как дурацкое пугало, посреди неудобного поля, а прижалась бы к какой-нибудь стенке.

Аврору оставили дежурить в машине, на случай, если кныш внезапно выбежит из арки. Впрочем, надежды на то, что она заметит появление кого-либо мельче мамонта, было немного — программистка немедленно уткнулась в свой лэптоп, бормоча, что в новом году еще не успела увидеться со своим Кондратием, а он ведь и обидеться может, он же самообучаемый, расшифровывает человеческие эмоции потихоньку.

Юху, от греха подальше, посадили в полицейский микроавтобус, под надзор богатыря в белой шинели.

Лиза в полном одиночестве (если не считать компанией парочку ненавязчивых

квадрокоптеров-прожекторов, сопровождающих ее по воздуху) шла вдоль забора, думая о том, что неплохо было бы захватить в свой мир одну такую летающую лампу, чтобы безбоязненно возвращаться домой с работы. Длинные перебежки по петербургским дворам-колодцам, доверху залитым чернильной тьмой, — удовольствие ниже среднего для молодой девушки.

— Ко-о-о! Ко-о-о!

— Святые трициклики! — Лиза подпрыгнула от испуга. — Какого папаверина?..

Сперва она заметила на земле нечто желтое с красным клювом и гребешком. Вот источник этих истошных воплей — резиновая курица! Совсем как у Филиппа Петровича в кабинете.

А рядом с курицей пушистым калачиком свернулся он, Принц Чарльз. Чудный кнышик элегантного цвета кофе с молоком, звезда журнала «Имперские амбиции» и большой любитель пирожков. Впрочем, сейчас Чарлика при всём желании нельзя было назвать элегантным: нарядная шерстка вся свалаялась в грязевые комья, маленькое тельце била крупная дрожь холода и страха. Он посверкивал глазками на Лизу и еле слышно поскуливал.

В бело-коричневом поле разглядеть его было невозможно — кныш сливался с землей. Если бы он случайно не прижался к своей верной Камилле, а та не заорала, как будто ее режут, — Лиза попросту прошла бы мимо.

— Ох, Чарлик! — воскликнула Лиза и бросилась к пёсику.

Бежать обратно было легко и приятно, несмотря на то, что пальцев ног она почти уже не чувствовала, так же как и кончика носа. Это всё ерундистика, а главное — за пазухой у Лизы пригрелся грязный, но живой и, судя по всему, вполне здоровый Чарлик, вместе со своей спасительницей — резиновой курицей Камиллой. От счастья Лиза совсем позабыла, как делать звонки с этого мудреного Перстня, поэтому первым человеком, которого она порадовала лучшей новостью года, стала Аврора.

Программистка даже не стала особо стыдить Лизу за ее техническую отсталость — быстро дала отбой графу и Максусу со своего Перстня и принялась помогать Лизе оттирать кныша от чернозема и кусочков льда, вмерзших в шерсть.

Еще до возвращения коллег Лиза провела быстрый визуальный осмотр Чарлика — пёсик оказался в полном порядке, так что ничто не помешало Ангелу устроить великолепную сцену «Возвращение блудного кныша»: с заламыванием рук, расцеловыванием пушистой мордочки Принца, подбрасыванием вверх резиновой курицы Камиллы, небольшим вальсированием вокруг микроавтобуса и вполне искренними слезами радости на глазах. Благодарные зрители — местные жандармы, вернувшиеся с поля, — рукоплескали импровизированному, но фееричному спектаклю.

— Елизавета Андреевна, Максим, можно вас пригласить на пару слов? — Граф отозвал их в сторонку. В отличие от остальных, он не выглядел довольным. Скорее уж, еще более обеспокоенным, чем когда они подъехали к ферме. — С тех пор, как мы задержали господина Мякинена, прошло почти два часа.

— Ну и что? — с недоумением спросила Лиза.

— Проклятье, — сказал Макс. Похоже, он сразу понял, в чем дело, в отличие от Лизы. Унтер-офицер бросил взгляд на Перстень. — Осталось девять минут.

— До чего? — Лизу всё это начинало раздражать.

— Сударыня, по закону мы обязаны отпустить задержанного через два часа, если у нас

не будет достаточных оснований для предъявления ему обвинения. Пока что мы стоим на очень зыбкой почве.

— У нас практически ничего на него нет, — подтвердил Макс. — Ну и что, что он покупает зелень на этой ферме? Это еще ни о чем не говорит. Нужны улики, а у нас — ни одной. Ни квадратика с отпечатками пальцев, ничего.

— Вот если бы он сам признался в содеянном... — мечтательно сказал граф.

— Так что же мы тут столбами стоим, товарищи? — возмутилась Лиза. — Ну-ка быстренько побежали к Юхе! Сейчас мы его выведем на чистую воду.

— Он отказывается говорить без адвоката, — пожал плечами граф.

— А ему и не надо ничего говорить, — сказала Лиза уже на ходу. — Говорить буду я.

Повар, разумеется, знал свои права. Граждане империи вообще были очень подкованы в юридическом смысле, Лиза уже это поняла. Юха спокойно сидел в теплом полицейском микроавтобусе и беззаботно насвистывал мотивчик из популярной композиции Беты «Не кочегары мы, не императоры, мы марсианские колонизаторы», ожидая, пока его выпустят на свободу. Для пущего удобства он вывел дисплей виртуальных часов прямо над своим Перстнем. Винтажная секундная стрелка отсвечивала голубым в полумраке салона.

— Готовитесь к высадке десанта, товарищ Мякинен? — насмешливо начала Лиза, забираясь в микроавтобус.

Юха бросил на нее бесстрастный взгляд и стал смотреть в окно, где Ангел, с кнышем под мышкой и резиновой курицей в зубах, раскланивался перед восторженной публикой.

— Не терпится поскорее вернуться к работе на товарища Головастикова? — Лиза усмехнулась. — Это ваш потолок? Вы для этого учились столько лет, чтобы выгуливать чужую собаку и выслушивать нравоучения от человека, который подкрашивает губы помадой, но всем говорит, что это блеск?

Юха прищурился, но продолжал молча смотреть на окно. До освобождения оставалось шесть минут.

— А знаете, что я думаю? — продолжала Лиза. — Скоро ваша профессия вообще уйдет в прошлое. Как монастырский писарь или, скажем, деревенский кузнец. Разве можете вы, обыкновенный человек, конкурировать с разумными, самообучаемыми машинами по приготовлению еды? Нет, ну правда! Как говорит одна моя подруга, вы — неандерталец. Что у вас за образование-то, в конце концов? Профессор кислых щей? Маэстро собачьего омлета? Учились всю жизнь, как сковородку правильно держать? Так этому я вас и сама могу научить, причем за две секунды. Дурацкую работенку вы себе избрали в качестве призвания, согласитесь, товарищ Мякинен. Просто курам на смех. Я уточню — резиновым курам на смех.

Повар заметно заиграл желваками на скулах и бросил взгляд на часы. До освобождения — три минуты.

Лиза почувствовала себя на верном пути.

— Я вам посоветую на будущее, просто по-дружески: если вас товарищ Головастиков выгонит — он признался, что держит вас только ради экзотики, а значит, скоро ему игрушка под названием «личный повар» надоеет, — так вот, *когда* он вас выгонит, бросьте вы свою никому не нужную кулинарию и подрабатывайте выгулом собак. В этом занятии и то больше смысла и перспектив, чем в вашей готовке. В конце концов, какая разница, чем заполнить объем желудка?

— О, пэркэлэ! — вдруг взорвался финн, вскочив с места. — Как вы смеете — как у вас

только язык повернулся — как можете вы рассуждать о том, о чем не имеете ни малейшего понятия?

Голубоватый виртуальный циферблат, исходящий из его Перстня, скакал по стенам микроавтобуса, как мартовский солнечный зайчик. Кажется, у Ищек оставалась еще полторы минуты.

— Кулинарное искусство — это высшая ступень развития цивилизации! Это то, к чему человечество шло веками! Скатерть-Самобранка — всего лишь очередная яркая пластмассовая игрушка. С ней позабавятся, а потом забросят под кровать и забудут там навсегда. Я верю, что Империя вернется к своему кулинарному величию, прославленному на всю планету! Петербург на протяжении последних ста лет был мировой гастрономической Меккой. Сюда приезжали, чтобы отведать самые невероятные сочетания тончайших вкусов, побаловать свои рецепторы изящнейшими кулинарными кружевами. Да, еще десять, пятнадцать лет назад повар были сродни императору, а сейчас мы — отверженные. Но я дождусь дня, когда всё вернется на круги своя! И я всё сделаю, чтобы приблизить этот день.

Голос Юхи стал громким и значительным, словно у верховного жреца забытой, но могущественной религии:

— Я не позволю позорить священное кулинарное искусство, растрчивая свой талант, свой небесный дар, свои отточенные умения на приготовление собачьего корма!

Стрелка, метавшаяся по сумрачному салону машины, показывала десять секунд до освобождения. Лиза заметила, что граф сжимает кулаки. Макс не мигая смотрел на подозреваемого.

— Да, я украл Чарльза! — грянул Юха. — Я украл его, потому что больше не мог терпеть надругательства над великим таинством гастрономии! Собака должна жить на ферме, есть свежее мясо и защищать хозяев от вторжения...

— Кого? Улиток? — не выдержала Лиза. — Вряд ли кныш справится с кем-то покрупнее.

— Место собаки — не в квартире, а на природе, так меня учили в детстве, — упрямо заявил финн. — Ей не нужны укладки и круассаны! Она будет счастлива побрызгаться из шланга и погрызть мозговую косточку! Я спас Чарльза от неподобающего образа жизни, а Кулинарию — от неуважительного обращения с ней.

— А Камиллу-то зачем украли? — поинтересовалась Лиза, чувствуя, как внутри разливается приятное чувство удовлетворения.

— Курицу? По ошибке. Я знал, что в это время на лежанке должен был находиться Чарльз.

Финн немного остыл и отвечал уже спокойнее.

— А квадрат откуда взяли? — дожимала Лиза.

— Это было еще полгода назад... Почтовый квадрокоптер принес мне письмо из Франции. Я ждал этого письма, в нем должны были прийти документы от одного моего знакомого француза, мы собирались вместе открыть в Петербурге ресторан классической европейской кухни... Но я сразу понял, что дрон принес отказ — письмо было слишком тонким. У меня потемнело в глазах от ярости, вот как сейчас... — Юха устало провел ладонью по лицу. — Я схватил дрон и разломал его на куски, голыми руками. Потом испугался, что меня арестуют. Тут же, в парке, разобрал его до последнего винтика, вскрыл корпус, нашел тот самый секретный чип геолокации, обнулil его, чтобы меня не нашли... Я ведь неплохо обращаюсь с гаджетами, волей-неволей пришлось научиться, пока осваивал

Самобранку... А потом полгода отлаживал дрон, учился им управлять — хотел, чтобы похищение прошло безукоризненно, я не мог себе позволить потерять работу, которую с таким трудом получил.

— Я полагаю... всё? — Граф вопросительно посмотрел на Макса. — Закрывайте дело, сударь, раз вы его начали.

Макс подошел к Юхе и положил руку ему на плечо:

— Юхани Мякинен, именем Императрицы и во имя Закона об уважении к животным, Российская империя предъявляет вам обвинение в похищении кныша Принца Чарльза и краже государственной собственности, а именно, грузового почтового квадрокоптера модели «Аист»...

— Про Камиллу не забудьте, сударь, — усмехнулся граф.

— Ах да, ещё кража личного имущества собаки, — согласился Макс. — Значит, объявление предъявляется по трем статьям.

На сдержанном лице повара отразилось что-то похожее на облегчение.

— Это даже хорошо, что вы меня арестовали. Отдохну в тюрьме от придирок Ангел Иваныча и его вечной взбалмошности. А когда выйду на свободу, может, и проклятых Самобранок уже не будет. Киитос, господа. Спасибо.

— Это вам спасибо за эспрессо по-милански, — искренне сказала Лиза на прощание. — Кофе, в отличие от похищений, у вас классно получается.

В квартиру Лиза зашла с рассветом, часов в десять.

— Ну что, Пусятина, новый год начался очень даже динамично, — сообщила она коту, который встречал ее с весьма брюзгливым видом.

Судя по данным Скатерти, за последние двадцать четыре часа, пока хозяйки не было дома, Пуся неоднократно пользовался услугами Самобранки. Автоматический лоток тоже исправно исполнял свои обязанности, так что повода для брюзжания у Пуся не было. Однако вот же, сидит в коридоре с кислой физиономией.

— Мяв, — сказал Пуся и, величаво задрав хвост, направился к телевизору в гостиной.

— Ах вот оно что, — догадалась Лиза. — По своему говорящему дружку соскучился.

По «Всемогущему» показывали Ангела, который вместо того, чтобы идти спать, давал хвастливое интервью Ричарду Кингу в роскошной студии новостей. А Лиза-то еще удивлялась, почему Головастик отказался возвращаться вместе со всеми на машине, а попросил высадить его на первой же остановке вакуумного трамвая! А он, оказывается, к началу выпуска хотел успеть.

— Мяв, — удивился Пуся, увидев на экране кныша. Пёсик сидел на столе Ричарда Кинга и обнюхивал его лэптоп.

— Это наш с тобой сосед, — объяснила Лиза. — Называется кныш. Я вас потом познакомлю... Хотя зачем? Мы же с тобой скоро домой вернемся, там кныш — это всего лишь пирожок.

Довольнехонькое лицо Ангела затемнилось: поверх картинки «Всемогущего» на экране телевизора появилось сообщение, только что поступившее Лизе на Перстень. В этом доме все Разумные устройства были связаны между собой в дурацкую единую экосистему.

Сообщение было от Авроры:

«Рейтинг видеела?»

«Ты же знаешь, что я не представляю, где смотреть».

«Блиин елооовый... Пошлю тебе крючок, цепляйся... Хотя Бот с ним, с крючком.

Короче, мы на 3-м месте!»

«Как?! Так быстро?? Почему???! Мы же только что вернулись с дела!!!»

«Реня увидел по телику треп Энджи, запросил отчеты у Макса и у графа, и вуаля! Мы в Большой Тройке!»

«Кто такой Реня?»

«Лиззи, не тупи. Реня — это Ренненкампф. Всё, бай-бай, я спать. Кстати, проверь почту — я тебе переслала письмо, которое пришло на адрес нашего Отделения. Чао».

Заинтригованная Лиза с трудом, но сумела добраться до просмотра входящих писем. Так... Штраф за отломанную ветку ёлкокапусты — оперативненько, ничего не скажешь... Штраф за самовольное изъятие почвенного грунта у парадной Дома с Утками-мандаринками... Совсем с ума посходили.

А вот, наверное, то самое послание, о котором говорила Аврора.

Письмо было целиком на испанском, и сперва Лиза ужасно расстроилась, но потом нашла функцию автоматического перевода и ужасно обрадовалась.

«Пишу, чтобы поблагодарить агентов Седьмого Отделения за профессионализм. Да, из-за их дотошности я оказалась в заключении, и надолго. Считала ли я себя плохим

человеком? Нет. Несчастливым? Да. Но именно здесь, за решеткой, неожиданно решилась главная проблема моей жизни! О мой Бог! Мой брат, мой дорогой младший братик, которого я не видела много лет, ради которого решилась на преступление, пришел навестить меня в тюрьме! Пришел поддержать, восстановить нашу детскую дружбу и привязанность. Я не смогу побывать на его свадьбе, не смогу подарить ему дорогой подарок. Но оказалось, ничего этого ему не нужно. И подарок, добытый нечестным путем, он бы не принял. Всё, чего он хотел — быть уверенным, что нужен мне, что я так же хочу общаться с ним, как и он со мной. Мы с ним хорошо поговорили... Оказалось, за последние годы он выучился на юриста, и теперь будет добиваться моего досрочного освобождения. О мой Бог, от счастья я парю в небесах! Без всякого самолета! С любовью, Фернанда Мария Дельгадо Эстебан».

Ха, навряд ли какой-либо еще агент может похвастаться благодарностью от задержанного преступника за произведенный арест. А тут — целых две благодарности меньше чем за один час. «Неплохо, дорогой Лизун, очень неплохо!» — похвалила себя Лиза.

Однако благодарности от арестованных преступников, к сожалению, не отменяют унылые домашние дела простого агента Личной Канцелярии Её Величества. Лиза полила и чашки с императрицей свой лимончик, росток уже начал потихоньку крепнуть. Вспомнила про сорванную ветку ёлкокапусты, отыскала ее в кармане жилетки и воткнула ветку прямо рядом с лимоном в салатницу с Зимним дворцом, служившую ей цветочным горшком.

Включила Разумный Душ — подышала вкусным лечебным паром — дождалась пуска воды. На этот раз даже удалось отрегулировать ее температуру. Более того, Лиза сообразила, как активировать измерение веса, отключенное Авророй. На дисплее обозначились цифры: "56,3". Батюшка миотропный бендазол, вот это да! Несмотря на беспрестанное поедание пирогов, она всё-таки похудела. Ну еще бы, постоянный стресс! Лучшая диета — это перемещение между мирами.

На радостях Лиза рискнула и впервые решила постирать одежду не руками, как Левинсон, а при помощи мудреной хозяйственной машины. Жилетка, в которой отсиживались кныш с курицей, была вся перепачкана черноземом. Машина пообещала привести жилетку в полный порядок.

Вдохновившись сией грандиозной технической победой, Лиза пошла дальше: своими руками запустила центральный пылесос, чтобы спать в чистоте и красоте. Немного шума и неприятный завихрений воздуха — и клочья кошачьей шерсти, покрывавшие все видимые поверхности в квартире, за несколько мгновений исчезли с глаз долой.

— Папаверин меня раздери, — ошеломленно сказала Лиза. — Теперь я люблю животных еще больше, если только это возможно. Слышишь, Пуська? Ты где?

Пуся жалобно мяукнул из-под стола в гостиной. Кот жутко перепугался, когда ненавистные завывания пылесоса внезапно послышались со всех сторон сразу, и забился в крошечную щель между контейнерами Самобранки. Лизе удалось его оттуда выманить, лишь включив на полную громкость канал «Мяу», где как раз показывали захватывающий боевик про толстого взъерошенного голубя, который просто не мог пролететь мимо другого голубя, чтобы не затеять с ним драку не на жизнь, а на смерть.

После тотальной ликвидации шерсти в квартире дышалось на удивление легко, Лиза моментально заснула и впервые за всё время пребывания в этом мире спала без тревожных и волнующих сновидений.

2 января

Система деликатного пробуждения сработала, как всегда, в 6.00.

Лиза еле-еле разлепила каменные веки. На соседней подушке пушистой морской звездой раскинулся Пуся.

— Чувствую себя так, словно меня пыльным мешком по голове огрели, — хрипло пожаловалась она Пусе. — Проспать семнадцать часов подряд! И как ты, Пусятина, живешь в таком режиме? У меня всё затекло и к тому же я, кажется, поглупела процентов на восемьдесят.

Пуся насмешливо засопел и повернулся на другой бок, демонстрируя, что истинные мастера сонного спорта могут продержаться на подушечном ринге гораздо дольше, чем какие-то жалкие семнадцать часов.

Лиза, кряхтя и охая, как древняя старуха, поднялась с кровати и некоторое время пыталась сообразить, в какой последовательности нужно переставлять ноги. Все-таки Система деликатного пробуждения уж слишком деликатничала со своим владельцем. Лучше бы окатывала владельца ведром холодной воды. Дураки какие разработчики, одна я умная, похвалила себя Лиза и пошла открывать окно в надежде, что бодрящий январский ветер вернет ее к жизни.

Честно признаться, ей весьма приглянулся секрет Ангела-Клеопатры.

Распахивая створку, Лиза вспомнила давешнего «Аиста», ошарашенные лица коллег, незащитного кныша... Нет, никогда она не полюбит технику и всё, что с ней связано. Разве можно привыкнуть к бездушным механическим птицам, заполонившим местное небо? За последние три недели она соскучилась по обыкновенным городским голубям. А теперь видит сизарей разве что по каналу «Мяу»...

На подоконник сел голубь.

— Ой, — сказала Лиза, невольно отпрянув в сторону кровати.

Пуся дернулся, увидел голубя, резко вскочил на все четыре лапы — и мгновенно спрятался под кровать. Очевидно, он предпочитал наблюдать за птицами дистанционно, по телевизору. А то клюнут еще, чего доброго. Обидят маленького миленького котика.

Лиза осторожно подошла поближе. Кажется, пернатый гость не был голограммой наподобие двуглавого имперского орла из Перстня. Голубь был настоящим, взъерошенным — и мокрым?

Сизарь, в отличие от Пуськи, вел себя спокойно. Ворковал ненавязчиво, поглядывал на Лиза круглым глазом, переступал лапками по подоконнику. Он явно хотел что-то сказать.

— Откуда ты прилетел, дружок? Заблудился? — спросила Лиза — и вдруг заметила, что к правой лапке птицы примотана бумажка. — А это что у тебя такое?

Она обхватила голубя за мокрое туловище и торопливо развязала веревку, на которой держалась бумажка. Веревка показалась ей смутно знакомой — обыкновенная полиэтиленовая хозяйственная веревка, расползающаяся на белые волокна, — но Лизе некогда было об этом думать, потому что она раскрыла записку:

«Эх, Лиза... Нашёл я у тебя в тумбочке ту брошюру про остров. Ясно теперь, куда ты пропала. Бросила меня с кредитами и фиалками. Ну, спасибо. На декабрьский взнос ушла вся

мамина пенсия целиком. Угадай, что теперь моя мамуля про тебя думает. Никогда ты ей не нравилась, но сейчас она совсем в тебе разочаровалась. Наша соседка Яна ей гораздо симпатичнее. Они прямо спелись, целыми днями пьют с Яной чай на общей кухне и твоё предательство обсуждают.

Фиалки твои на подоконнике все завяли, я их выкинул. Я не садовод, а изобретатель, и ты это знаешь.

Кот твой не вернулся. Но я по нему, честно, не скучаю. Думаю, и ты тоже, раз так легко его бросила и умотала на свой остров. Никто мне теперь не мешает сидеть в клетчатом кресле и думать над своим изобретением.

Звонили с твоей работы. Я пока сказал, что ты заболела. Надо будет достать где-нибудь больничный, когда вернешься. Мы же не хотим потерять твою зарплату.

Лиза, я тебе скажу как есть: мамуля очень настаивает на том, чтобы я разорвал с тобой помолвку. Яна ей видится более перспективной невесткой. Мама говорит, у тебя работа неинтересная, а Яночка работает ассистентом секретаря в отделе "Газпрома". "Будущее за нефтяными компаниями, сынок, а не за какими-то питомцами, от которых одна грязь", — твердит мне мама. Еще она постоянно повторяет, что Яна ласковая и приветливая, а ты колючка. Мне-то всегда именно это в тебе и нравилось, но твой последний поступок показал, что мама была права. Разве можно жениться на такой непредсказуемой женщине!

Однако мамочка считает, что она воспитала меня порядочным человеком и настоящим мужчиной. Поэтому давай договоримся так: я тебе даю срок в 24 часа. Если ты не вернешься домой к 12.00 2 января, будем считать, что между нами всё кончено.

Раз уж ты остаешься жить на острове, я получаю моральное право оформить на себя твою комнату. Хорошо хоть, ты мне гендоверенность дала, когда деда не стало! А то бы я сейчас тут попрыгал. Если Яна согласится заключить со мной брак (а мама уверена, что она согласится), то у нас будет уже две комнаты в центре Петербурга. Вторую комнату оборудую себе под голубятню — мой инновационный почтовый проект перешел на стадию практической реализации. Дело сразу пошло как по маслу, когда твой кот перестал меня отвлекать.

Посылаю к тебе своего первого обученного голубя. Насколько я понял, на твоём острове нет никаких средств связи, поэтому ты и телефон не взяла. А птице Интернет не нужен, она летит без навигатора. В этом-то и есть моя инновация. Всё новое — хорошо забытое старое.

Мамуля просила тебе передать, что она бы на твоём месте поторопилась бы вернуться. Найти мужа в твоём возрасте уже невозможно. Она-то знает, она у меня мудрая. Еще она просила тебе написать, что ты глупенькая дуручка, но я сказал, что это уже лишнее.

С любовью (до 12.00 2 января.), Игорь».

Тут Лиза поняла, почему веревка показалась ей знакомой. Это была веревка из ее родного мира. А точнее — из ящика ее собственного кухонного стола. Стола, на котором она приготовила сотни мясных обедов Игорю и его маме.